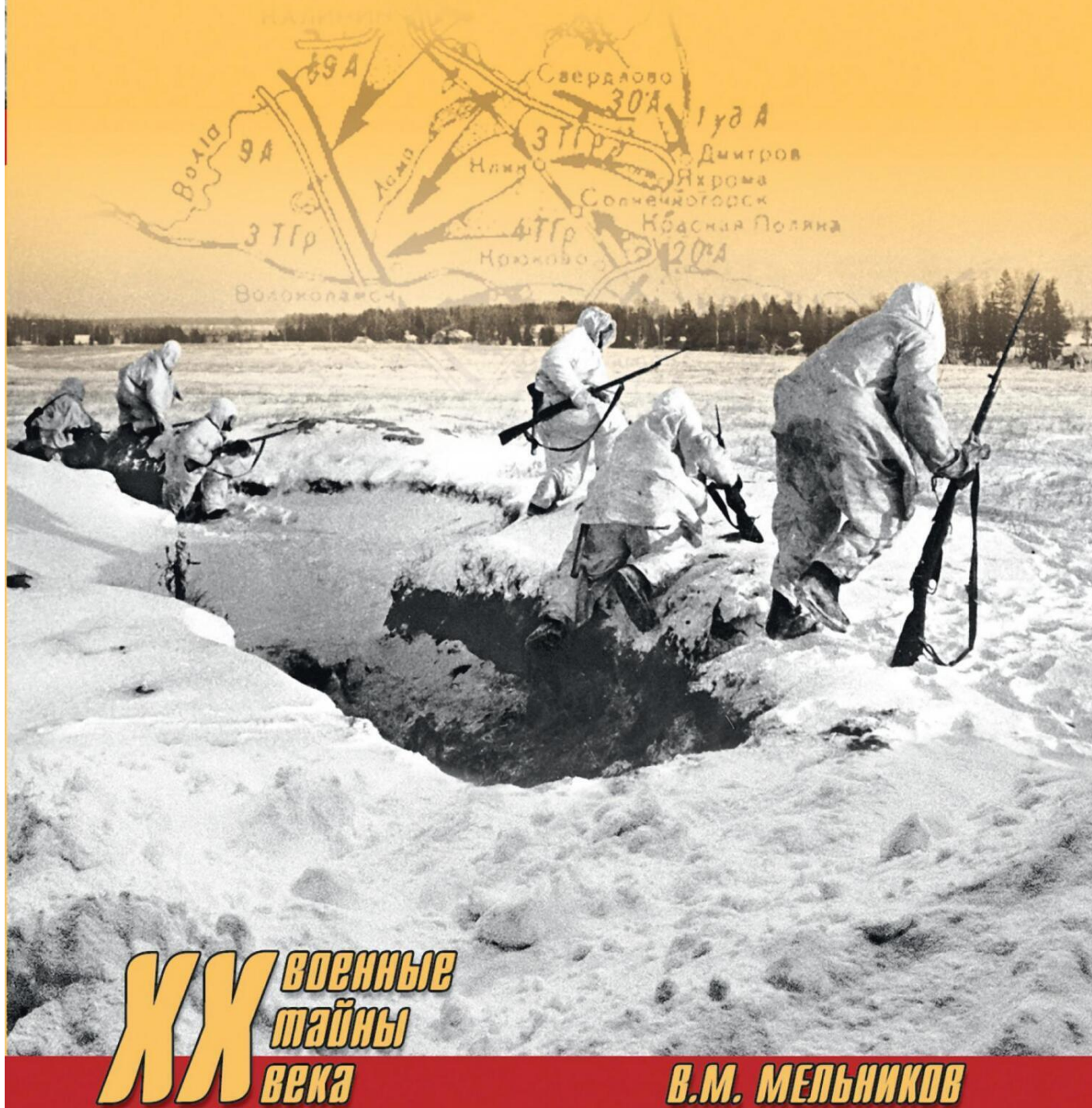


33-Я АРМИЯ В БИТВЕ ЗА МОСКВУ



XX военные
тайны
века

В.М. МЕЛЬНИКОВ

Военные тайны XX века

Владимир Мельников

33-я армия в битве за Москву

«ВЕЧЕ»

2022

Мельников В. М.

33-я армия в битве за Москву / В. М. Мельников — «ВЕЧЕ»,
2022 — (Военные тайны XX века)

ISBN 978-5-4484-8764-4

Битва за Москву — один из важнейших эпизодов Великой Отечественной войны. Колоссальное сражение, сложившееся из множества отдельных битв и, на первый взгляд, локальных войсковых операций. В книге Владимира Михайловича Мельникова говорится об одном из таких эпизодов — героических действиях 33-й армии генерала Ефремова в районе Наро-Фоминска, Боровска, Вереи и Вязьмы. 33-я армия, стойко сражавшаяся с превосходящими силами корпусов вермахта, даже попав в окружение, продолжала вести боевые действия, приковывая к себе большое число немецких дивизий, ослабляя таким образом ударные группировки противника и способствуя общему успеху советских войск в битве за Москву. Большое внимание в книге уделяется личности генерала Ефремова, который до последнего оставался со своими солдатами и координировал действия своих войск с передовой, несмотря на возможность эвакуации. Большое количество цитируемых в тексте документов, тщательно подобранные иллюстрации и грамотное изложение происходивших событий делают эту книгу чрезвычайно интересной как для профессиональных историков, так и для широкой аудитории читателей.

ISBN 978-5-4484-8764-4

© Мельников В. М., 2022

© ВЕЧЕ, 2022

Содержание

От автора	8
Глава первая. «Велика Россия, да отступать некуда, позади Москва!»	14
Глава вторая. Генерал Ефремов	25
Глава третья. Отход соединений 33-й армии на рубеж реки Нара (17–21 октября 1941 года)	36
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Владимир Мельников

33-я армия в битве за Москву

© Мельников В. М., 2022

© ООО «Издательство «Вече», 2022

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2022

Сайт издательства www.veche.ru

* * *



В.М. МЕЛЬНИКОВ

33-я АРМИЯ В БИТВЕ ЗА МОСКВУ

Москва
«Вече»

80-летию Московской битвы посвящается

От автора

Все дальше уходят от нас незабываемые, полные неслыханных жертв и лишений годы Великой Отечественной войны Советского Союза против фашистской Германии и ее сателлитов. Накануне нападения на нашу Родину гитлеровская Германия в короткий срок поставила на колени почти всю Европу, которая оказалась не в состоянии противостоять агрессору, и только СССР и его Вооруженные Силы смогли спасти мир от коричневой чумы.

Наши славные отцы, деды и прадеды совершили в годы Великой Отечественной войны подвиг, равного которому нет в мировой истории.

И это не просто красивые слова – так есть на самом деле. Среди многочисленных изречений выдающихся полководцев, известных государственных и политических деятелей всего мира, посвященных Победе над фашизмом, наиболее точно и емко, по мнению автора, передают значимость данного события для всего человечества слова, сказанные известным советским писателем и публицистом Леонидом Леоновым:

«Если бы человечество решило бы на одном листе описать все великое происшедшее за его тысячелетнюю историю, то там обязательно нашлось бы место для великого подвига, совершенного нашими соотечественниками в годы Второй мировой войны...»

Точнее и не скажешь!

С каждым годом, прошедшим после окончания Великой Отечественной войны, Победа над фашизмом становится исторически все более значимой, наполняясь новым содержанием. Вместе с тем, как бы это ни было прискорбно, надо сказать и о том, что в последнее время за рубежом, в том числе и в государствах, еще недавно входивших в состав СССР в качестве союзных республик, развернута широкая кампания лжи и фальсификации истории Великой Отечественной войны. Власовцы, бандеровцы, разного рода отщепенцы и предатели возводятся в ранг героев, борцов со сталинским режимом, в то время как воины Красной армии и весь советский народ изображаются безликой и бессознательной массой.

Западным господам и их приспешникам многого не понять в душе простого русского человека и в самой русской жизни. Да, накануне войны и в первый ее период в нашей стране и ее армии имелось немало серьезных упущений в решении многих важных задач. А у кого, в каком государстве не было и нет недостатков? Если бы в странах Западной Европы было в тот период времени все хорошо, то им без особых проблем удалось справиться с гитлеровским режимом еще на стадии его становления, однако этого не произошло. На деле все оказалось совсем иначе: они в короткий срок были вынуждены капитулировать перед Гитлером или записаться в союзники к нему, за исключением Великобритании, которой тогда удалось спрятаться за проливом Ла-Манш, подталкивая фашистскую Германию к войне с СССР.

В то же время Советский Союз, оказавшийся в очень непростой ситуации, смело вступил в смертельную схватку с гитлеровским режимом и победил его. Несмотря на колоссальные людские и материальные потери, наша Родина не только отстояла в этой войне свою честь, свободу и независимость, но и спасла весь мир от коричневой чумы.

Бессознательная масса людей никогда бы не смогла победить такого сильного и коварного врага. Все дело как раз и заключалось в том, что советские люди в большинстве своем сознательно шли защищать Отечество. В строй защитников Родины становились семьями, в ополченцы записывались даже те, кому было уже далеко за 60 лет, а у станков на заводах встали женщины и дети, полностью осознававшие, что их трудом куется победа на фронте. В тылу врага действовали сотни партизанских отрядов и подпольных групп, которые держали неприятеля в постоянном напряжении.

Можно сколько угодно говорить о Сталине и коммунистическом режиме, но от этого великий подвиг советского народа и его армии не померкнет никогда, ибо наша Родина в годы Второй мировой войны сделала то, чего не смог сделать весь остальной мир. Совсем не случайно главнокомандующий вооруженными экспедиционными силами союзников в Европе, американский генерал Дуайт Эйзенхауэр, впоследствии президент Соединенных Штатов Америки, сказал сразу после окончания войны такие слова:

«Кампании, проведенные Красной армией, сыграли решающую роль в поражении Германии»¹.

Еще ярче высказался о вкладе Советского Союза в победу над гитлеровской Германией главнокомандующий экспедиционными войсками Великобритании в Германии фельдмаршал Великобритании Бернард Монтгомери.

«Россия совершила военный подвиг...

Россия в тяжелом единоборстве почти один на один с наступающими гитлеровскими армиями приняла на себя всю силу германского удара и выстояла. Мы, англичане, никогда не забудем подвига России»².

В Европе и США сейчас редко вспоминают эти слова, а жаль! Думается, что генералы наших союзников периода Второй мировой войны побольше понимали в военном деле, чем сегодняшние знатоки истории на Западе.

В свою очередь, мы всегда будем с благодарностью вспоминать своих союзников по антигитлеровской коалиции, и прежде всего США и Великобританию, которые не только оказывали нашей стране большую материально-техническую помощь, но и на заключительном этапе войны приняли участие в боевых действиях против гитлеровских войск на территории Европы, приближая день Победы. Героическая, самоотверженная борьба с фашизмом и победа над ним в союзе с другими народами стран антигитлеровской коалиции имела и имеет огромное всемирно-историческое значение.

Особое место в ряду решающих сражений Великой Отечественной войны, по своему значению, размаху, напряженности, количеству сил и средств, участвовавших в нем с обеих сторон, по праву принадлежит Московской битве, в ходе которой немецко-фашистские войска потерпели первое поражение. Нисколько не умаляя роли и значения других важных сражений, нельзя не согласиться с тем, что в случае иного развития событий под Москвой Великая Отечественная война пошла бы по другому сценарию. Московская битва в значительной мере предопределила содержание, развитие и конечный исход не только Великой Отечественной войны, но и Второй мировой войны в целом.

Важное значение для исхода войны играли каждый бой, каждая военная операция, каждая битва, однако совсем не случайно выдающийся полководец нашей Родины Маршал Советского Союза Георгий Константинович Жуков сказал такие слова:

«Когда меня спрашивают, что больше всего запомнилось из минувшей войны, я всегда отвечаю: битва за Москву».

Московской битве посвящены тысячи книг, статей, научных трудов, документальных и художественных фильмов, которые показывают ее значимость, рассказывают о героизме и мужестве советских воинов. Вместе с тем далеко не всем событиям битвы под Москвой уделено должное внимание. В силу определенных обстоятельств некоторые из них оказались недостаточно исследованы специалистами военной истории. К ним в числе других относится и период боев в районе Наро-Фоминска и его окрестностей.

Подобное, прежде всего, касается событий, которые имели место во второй половине октября 1941 года, когда немецко-фашистские войска, рвавшиеся к Москве, были остановлены

¹ См.: От Советского информбюро... Публицистика и очерки военных лет 1941–1945. Т. 2. М.: АПН, 1982. С. 448.

² Там же. – Подчеркнуто автором.

частями и соединениями 33-й армии на рубеже реки Нара. Не в полной мере оказались исследованы и события, имевшие место в районе Наро-Фоминска в начале декабря 1941 года, когда части и соединения 20-го армейского корпуса 4-й армии группы армий «Центр» предприняли последнюю попытку прорыва к Москве, действуя с Наро-Фоминского направления. Уже сам этот факт заслуживал самого пристального внимания специалистов, тем не менее и он не нашел надлежащего отражения в истории Московской битвы.

Даже в таком значительном по объему и глубине проведенного исследования труде, как «Разгром немецко-фашистских войск под Москвой», подготовленном большим авторским коллективом под редакцией Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского, Наро-Фоминскому направлению не уделено должного внимания. События второй половины октября 1941 года описаны весьма поверхностно, а попытка прорыва противника к Москве с Наро-Фоминского направления, кроме всего прочего, – и недостоверно. Причин этому много, начиная от недостаточной изученности архивных документов, особенно противника, и заканчивая строгой цензурой, существовавшей в те годы в СССР. Возьмите, к примеру, книги о Московской битве, написанные в 60–80-е годы прошлого столетия: они все написаны как под копирку.

Что говорить, если многие солидные труды того времени, такие как «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.», «История Второй мировой войны», да и «Воспоминания и размышления» Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, подготовлены с использованием одних и тех же, зачастую не совсем достоверных, источников. Конкретные факты будут приведены ниже.

Однако не только исторические труды, но и мемуары известных полководцев и военачальников Великой Отечественной войны подвергались жесточайшей цензуре. Из них было удалено все, что не соответствовало официальной точке зрения. И здесь нельзя не привести слова, сказанные Георгием Константиновичем Жуковым в конце 60-х годов прошлого столетия в интервью «Литературной газете»:

«...История Великой Отечественной войны абсолютно неправдоподобна... Это не история, которая была, а история, которая написана. Она отвечает духу современности. Кого надо прославить, о ком надо умолчать...»

Говоря о том, почему боевым действиям войск 33-й армии на Наро-Фоминском направлении не было уделено должного внимания в истории Московской битвы, автор выделил бы следующие основные причины.

Причина первая.

Это была общая недоработка историков первого послевоенного периода времени, во многом обусловленная тем, что времени на изучение и осмысление имевшегося громадного объема информации было недостаточно, к тому же многие материалы не были еще систематизированы. Не последнюю роль сыграл и тот факт, что не обо всем можно было писать и рассказывать.

Причина вторая.

Несмотря на то, что боевые действия в районе Наро-Фоминска носили упорный и ожесточенный характер, надо признать, что Наро-Фоминское направление не играло той роли, которая отводилась в период Битвы за Москву Клинско-Солнечногорскому или Тульско-Каширскому направлениям, где командование вермахта задействовало главные силы группы армий «Центр».

Причина третья.

В значительной мере подобное обстоятельство было обусловлено и тем, что писать о событиях, имевших место на центральном участке Западного фронта, т. е. на Наро-Фоминском и смежных с ним направлениях, было просто некому.

Командующий 33-й армии генерал-лейтенант М. Г. Ефремов и почти все командиры дивизий, принимавшие участия в этих боях – генерал-майоры А. И. Лизюков, Т. Я. Новиков,

Ф. А. Бобров, полковники К. И. Миронов и Н. А. Беззубов – пали смертью храбрых на полях сражений в годы Великой Отечественной войны.

Причина четвертая.

Не надо забывать и о том, что, попав на завершающем этапе Московской битвы в окружение в районе юго-восточнее Вязьмы, ударная группировка войск 33-й армии во главе с генералом М. Г. Ефремовым, состоявшая из четырех стрелковых дивизий, была почти полностью уничтожена. Ее гибель по времени совпала с окончанием Битвы под Москвой, а это бросало определенную тень на нашу первую и по-настоящему Великую победу. Поэтому об этом старались лишний раз не говорить. По крайней мере, во многих исторических работах, посвященных Великой Отечественной войне и написанных в первые послевоенные десятилетия, об этом нет никакого упоминания.

Причина пятая.

В немалой степени подобное положение дел с описанием хода боевых действий частей и соединений 33-й армии было обусловлено личностью ее командующего генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, а точнее сказать, обстоятельствами его гибели и захоронения.

Как известно, Михаил Григорьевич Ефремов во время прорыва из окружения 19 апреля 1942 года получил тяжелое ранение и, не желая попасть живым в руки врага, покончил жизнь самоубийством, застрелившись из личного оружия. На следующий день его тело было предано земле противником. В послевоенные годы уже только этого факта было достаточно для того, чтобы все, что касалось личности генерала Ефремова, как минимум обходилось молчанием, поскольку это никак не вписывалось в идеологию Советского государства тех лет, разрушая образ врага. Существовавшая много лет после войны цензура зорко стояла на страже идейности и духовности в нашей стране и ее Вооруженных Силах и никак не могла позволить того, чтобы такие «крамольные факты» имели широкую общественную огласку.

Причина шестая.

Не последнюю роль сыграло в этом и то обстоятельство, что генерал Ефремов имел натянутые отношения с командующим Западным фронтом генералом армии Жуковым, который относился к нему с явной антипатией. Став после войны министром обороны СССР, Г. К. Жуков постарался сделать так, чтобы о 33-й армии и ее командующем часто не упоминалось ни в средствах массовой информации, ни в военно-исторической литературе. Даже в своих воспоминаниях Георгий Константинович абсолютно неправдиво отобразил обстоятельства, при которых ударная группировка 33-й армии оказалась в окружении под Вязьмой и впоследствии погибла.

Все вышесказанное в итоге и привело к тому, что боевые действия на Наро-Фоминском направлении на долгие годы оказались «задвинутыми» на второй план и не были должным образом изучены и освещены нашей исторической мыслью.

Несмотря на это, когда советское руководство приняло решение о награждении орденом Отечественной войны 1-й степени городов, в ходе боев за которые наши войска оказали врагу наиболее упорное сопротивление, то Наро-Фоминск стал четвертым городом в нашей стране, удостоенным этой высокой награды, после Смоленска, Новороссийска и Воронежа. Произошло это событие 23 апреля 1976 года, а уже в период существования современной России, 27 апреля 2009 года, Наро-Фоминску было присвоено звание «Город Воинской славы». Родина по достоинству оценила подвиг воинов 33-й армии, героически защищавших город и его окрестности в период Битвы за Москву. Была восстановлена историческая справедливость и в отношении командующего 33-й армией генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, которому указом Президента Российской Федерации в декабре 1996 года было посмертно присвоено звание Героя Российской Федерации.

Вместе с тем надо отметить, что за прошедшие после войны десятилетия книги, посвященные событиям, имевшим место в период боев на Наро-Фоминском направлении, так и не

появилось, хотя ветеранами 33-й армии, историками, краеведами и поисковиками была проделана немалая работа в этом направлении. Изданные в советское время книги, в которых в той или иной степени описываются боевые действия в районе Наро-Фоминска, страдают существенными неточностями, а многие события вообще не освещены³.

В то же время именно в 60–70-е годы прошлого столетия на страницах книг и в статьях, посвященных боям за Наро-Фоминск, появилось немало разных небылиц, выдуманных историй, в то время как подвиги многих настоящих героев были преданы забвению. Все было направлено на то, чтобы в более красочной и яркой форме рассказать о том или ином ее событии.

Сложно сказать, какую цель преследовали эти люди, выдумывая то, чего не было на самом деле. Если поднять на еще большую высоту подвиг бойцов и командиров Красной армии, то это была абсолютно ненужная затея, ибо он настолько велик, что не нуждается ни в каких приукрашиваниях и восхвалениях, а вот бросить тень на него подобными сказками было можно.

Наш, советский, народ – герой, это не подлежит никакому сомнению, но героями были далеко не все. Об этом тоже надо знать, для того чтобы правильно понимать суть происшедшего тогда, которая заключается в том, что бойцам и командирам Красной армии, честно выполнившим свой воинский долг, на самом деле было во много раз тяжелее, чем об этом рассказывалось. В то же время далеко не все выдержали испытание войной. Победа в ней была одержана колоссальным напряжением сил и огромными людскими потерями.

Идеализация истории Великой Отечественной войны поставила в один ряд и тех, кто, не жалея своей жизни, сражался с врагом, и тех, кто думал только о себе. Нельзя сказать, что таких людей было много, но их было и немало.

Говорить о войне надо честно и открыто. Нам нечего и некого бояться. Наш народ вышел победителем из этого смертельного противостояния с мировым злом, а победителя, как известно, не судят. Ставшая доступной в последние десятилетия информация позволяет по-иному посмотреть на многие события Великой Отечественной войны, в том числе и деятельность конкретных исторических личностей, но это ни в коей мере не меняет главного – Советский Союз одержал в этой войне всемирно-историческую Победу.

Отдавая дань уважения подвигу воинов 33-й армии, героически сражавшихся с немецко-фашистскими захватчиками в районе города Наро-Фоминска и его окрестностей в октябре 1941 г. – январе 1942 г., автор решил воссоздать полную картину боевых действий, имевших тогда место.

Основой для описания этих событий послужили архивные документы оперативных отделов штаба Западного фронта и 33-й армии, соединений и частей, входивших в ее состав в период боев на Наро-Фоминском направлении, документы 20-го армейского корпуса вермахта из архива NARA (США), а также работы, посвященные боевому пути 1-й гвардейской Московской Пролетарской мотострелковой и 110-й стрелковой дивизий, 258-й, 183-й, 292-й, 15-й пехотных и 3-й мотопехотной дивизий противника, воспоминания ветеранов 33-й армии, сохранившиеся в Наро-Фоминском историко-краеведческом музее, и другие источники информации.

Используя столь обширную источниковую базу, автор предпринял попытку максимально полно и правдиво описать события, имевшие тогда место, ничего не утаивая и не приукрашивая. Война показана на страницах книги такой, какой она была на самом деле. Красивая полуправда намного страшнее горькой правды. Автор не видит никакого смысла в том, чтобы, рас-

³ См.: Виноградов А. П., Игнатова А. А. Герой-командарм. М.: ВИ, 1967; Кузнецов П. Г. Гвардейцы-москвичи. М.: Воениздат, 1962; Виноградов Ю. В., Широков С. М. По призыву Родины. М.: ИРМА ПРЕСС, 1995; Соловьев В. К. Под Наро-Фоминском. М.: ВИ, 1966.

сказывая об этом трагическом и героическом времени, кривить душой. Нужна честная история войны, как писали о ней Василий Гроссман, Василь Быков, Борис Васильев, Иван Стаднюк, как рассказывал о своем первом бое Булат Окуджава, тогда подвиг нашего народа приобретет еще большую силу и значимость.

В заключение автор выражает слова искренней благодарности и признательности Ю. А. Ухватову, А. Н. Баранову, О. А. Рожнову, И. А. Кречетову, К. С. Козлову, Л. М. Мельниковой, И. О. Павицкому, Г. В. Пономареву, С. В. Селиверстовой, А. Г. Шепелю, поисковым отрядам «Судьба человека», «Патриот» и «Бумеранг», коллективам Наро-Фоминского историко-краеведческого музея и городского Дворца культуры «Созвездие».

Низко кланяюсь Вам, Советские Солдаты и Офицеры, за Ваш бессмертный подвиг, за то, что Вы, не пожалев жизней своих, в нечеловеческих условиях, отстояли в суровые годы Великой Отечественной войны Честь, Свободу и Независимость нашей Родины. Преклоняю голову перед каждым из участников этой войны, будь то командир, боец или труженик тыла, а также перед мирными жителями городов, сел и деревень Наро-Фоминского района, испытавшими на себе все ужасы этой войны.

ВЕЧНАЯ ТЕБЕ ПАМЯТЬ И СЛАВА, СОВЕТСКИЙ СОЛДАТ!

В. М. Мельников

Глава первая. «Велика Россия, да отступить некуда, позади Москва!»

К началу октября 1941 года Западное направление советско-германского фронта в планах обеих сторон занимало центральное место. Немецкое командование связывало возможность скорейшего окончания войны против СССР именно с нанесением удара на Москву, разгромом на этом направлении наиболее сильной группировки войск Красной армии, захватом столицы СССР и всего центрального промышленного района.

Командование Красной армии также уделяло Западному направлению первостепенное значение. Здесь предусматривалась организация наиболее прочной обороны, для чего планировалось привлечь значительные силы и средства, большую часть резервов, выдвигавшихся из глубины страны. Сосредотачивая основные усилия на Западном стратегическом направлении, советское Верховное главнокомандование планировало не только остановить продвижение противника, но и, измотав его в оборонительных боях, создать необходимые условия для перехода войск Красной армии в решительное контрнаступление с целью разгрома наиболее сильной его группировки – группы армий «Центр».

На 1 октября 1941 года боевые действия с врагом в составе войск Красной армии вели 213 стрелковых, 30 кавалерийских, 5 танковых и 2 мотострелковых дивизии, 18 стрелковых, 37 танковых и 7 воздушно-десантных бригад. Всего в действующей армии насчитывалось около 3,2 млн человек, 2715 танков (в том числе 728 тяжелых и средних), около 20,6 тыс. орудий и минометов и 1460 самолетов (без дальнебомбардировочной авиации)⁴.

Значительная часть перечисленных выше сил и средств находилась в составе Западного (командующий – генерал-полковник И. С. Конев), Резервного (командующий – Маршал Советского Союза С. М. Буденный) и Брянского (командующий – генерал-полковник А. И. Еременко) фронтов, занимавших оборону на Западном стратегическом направлении. В составе этих фронтов боевые действия вели 81 стрелковая, 1 танковая и 2 мотострелковые дивизии, а также 13 танковых бригад. В их составе насчитывалось около 1,3 млн человек личного состава, 770 танков, около 7 тыс. орудий и 364 самолета.

Несмотря на столь внушительный состав наших войск, численный перевес был на стороне врага. По состоянию на начало октября 1941 года группа армий «Центр» имела в своем составе 1,8 млн человек, 1700 танков, 14 тыс. орудий и минометов и около 800 самолетов. Таким образом, противник превосходил войска Западного, Резервного и Брянского фронтов: в живой силе в 1,4 раза, в танках более чем в 2,2 раза, в орудиях и минометах почти в 2,1 раза и в самолетах – в 2,6 раза⁵.

Начатое немецкими войсками в конце сентября – начале октября 1941 года наступление на Москву, под кодовым названием «Тайфун», с самого начала сложилось крайне неблагоприятно для войск Красной армии, которые под мощными ударами врага были вынуждены вновь отходить в глубь страны. Окружение противником войск Западного и Резервного фронтов в районе Вязьмы и части сил Брянского фронта южнее Брянска, привело к тому, что на подступах к Москве сложилась крайне опасная обстановка.

По данным исследования, проведенного Л. Н. Лопуховским, под Вязьмой и Брянском были окружены 7 полевых управлений армий, 64 дивизии, 11 танковых бригад, 50 артилле-

⁴ Битва под Москвой. М.: ВИ, 1989. С. 23.

⁵ Разгром немецко-фашистских войск под Москвой / Под ред. Маршала Советского Союза В. Д. Соколовского. М.: ВИ, 1964. С. 31.

рийских полков РГК и большое количество других частей и соединений. Всего в окружение попали дивизии тринадцати армий Западного, Резервного и Брянского фронтов⁶.

В истории Второй мировой войны, написанной бывшим генералом вермахта К. Типпельскирхом, принимавшим участие в боевых действиях на Восточном фронте в должности командира 30-й пехотной дивизии, а в последующем командующего 4-й армии группы армий «Центр», говорится о том, что под Вязьмой и Брянском Красная армия потеряла «шестьдесят семь стрелковых, шесть кавалерийских и семь танковых дивизий – 663 тыс. пленных, 1242 танка и 5412 орудий»⁷.

18 октября 1941 года в сообщении главного командования сухопутных войск вермахта, а на следующий день в газетах фашистской Германии, было объявлено о том, что в районе Вязьмы и Брянска взято в плен 648 196 бойцов и командиров Красной армии, захвачено или уничтожено 1197 танков, 5229 орудий различных типов⁸.

Над Советским государством нависла смертельная опасность.

Как могло случиться, что наша армия, о которой еще недавно пели в песнях: «...от тайги до британских морей Красная армия всех сильнее!», терпела одно поражение за другим и спустя всего четыре месяца после начала войны оказалась у стен Москвы, потеряв при этом миллионы командиров и красноармейцев убитыми и пленными?!

Причины неудач Красной армии сложны и многообразны. Они кроются в ряде политических, экономических и военных факторов как международного, так и внутреннего характера. Многие недостатки Красной армии были видны еще накануне войны, однако внутривойсковая обстановка, сложившаяся к тому времени в стране, не позволяла не только говорить об этом, но и думать. В противном случае можно было кануть в вечность с клеймом «врага народа».

Трагедия 1941 года была расплатой за уничтожение командного состава Красной армии в предвоенные годы, за недальновидность нашего государственного и военного руководства в организации обороны страны, за непродуманную и неэффективную организацию боевой подготовки войск. Основная доля вины за это лежит на И. В. Сталине, который единолично принимал все важные решения, редко прислушиваясь к иному мнению, и его ближайшем окружении, боявшемся перечить своему вождю.

Руководство гитлеровской Германии внимательно следило за состоянием Красной армии и хорошо знало ее сильные и слабые стороны. Особенно наглядно проявились недостатки в состоянии войск Красной армии в ходе советско-финляндской войны, где она понесла ощутимые потери в личном составе и технике. Из секретного доклада о состоянии Красной армии, подготовленного разведывательным отделом Генерального штаба сухопутных войск Германии 15 января 1941 года:

«...Преобладающее большинство нынешнего высшего командного состава не обладает способностями и опытом руководства войсковыми объединениями. Они не смогут отойти от шаблона и будут мешать осуществлению смелых решений. Старшему и младшему командному составу (от командира корпуса до лейтенанта включительно), также, по имеющимся данным, свойственны очень крупные недостатки».

Вероломное нападение на нашу Родину позволило фашистской Германии захватить стратегическую инициативу и лишить СССР возможности планомерно провести всеобщее отмотелирование. К началу войны немецкая армия была оснащена наиболее передовыми для того времени вооружением и военной техникой, имела значительный опыт ведения боевых действий. Красная армия такого опыта не имела. Ее командный состав, значительно обновившийся нака-

⁶ Лопуховский В. Вяземская катастрофа 41-го года. М.: Яуза; Эксмо. 2006. С. 536.

⁷ Типпельскирх Курт. История второй мировой войны 1939–1945 гг. М. – СПб.: Полигон; АСТ, 1998. С. 273.

⁸ Битва под Москвой. Хроника, факты, люди / Под рук. Жилина В. А. В 2 кн. Кн. 1. М.: Олма-пресс, 2001. С. 360.

нуне войны, в результате обрушившихся на армию репрессий не имел необходимых практических навыков в руководстве крупными соединениями и объединениями в сложных условиях современной войны.

Не последнюю роль в неудачах первых месяцев войны сыграло и то обстоятельство, что части и соединения Красной армии имели невысокий уровень полевой выучки. Боевая подготовка войск была организована с серьезными недостатками. Об этом со всей очевидностью свидетельствует акт о приеме должности народного комиссара обороны СССР Маршалом Советского Союза С. К. Тимошенко от Маршала Советского Союза К. Е. Ворошилова в мае 1940 года⁹.

Содержание этого документа было доведено до сведения И. В. Сталина, но он и так прекрасно знал о подобном состоянии Красной армии, в душе надеясь на то, что удастся оттянуть начало войны с гитлеровской Германией и повысить степень боеспособности войск.

За год, который оставался до начала войны, была проделана огромная работа, но устранить всех недостатков не удалось, и Красная армия вступила в смертельную сватку с врагом, находясь далеко не в лучшем состоянии. Отсюда и крайне плачевные результаты первых месяцев войны. В этом, в определенной степени, и ответ на вопрос: «Как могло произойти такое, что враг, спустя всего четыре месяца после начала войны, оказался у стен нашей столицы?»

После трагедии, постигшей войска Западного и Резервного фронтов под Вязьмой, соединения и части, избежавшие окружения, были вынуждены отойти назад на 250–300 км, а линия фронта оказалась на удалении всего 80–115 км от Москвы. Ценой невероятных усилий войск действующей армии, мобилизации людских и материальных резервов, советскому командованию удалось к середине октября воссоздать на подступах к Москве, по существу, новый Западный фронт.

Это был, пожалуй, самый драматичный момент Великой Отечественной войны. Положение нашей Родины было очень сложным, но надо отдать должное всему советскому народу, воинам Красной армии и руководству страны: они не пали духом, принимая самые решительные меры для того, чтобы остановить врага. Командиры и красноармейцы с невиданным самопожертвованием сражались за каждую пядь родной земли. Эвакуированные в глубь страны заводы уже через считанные дни, благодаря небывалому трудовому героизму рабочих и служащих, начинали выпускать продукцию для фронта.

7 октября 1941 года в должность командующего Западным фронтом вступил генерал армии Г. К. Жуков, срочно отозванный Ставкой ВГК с Ленинградского фронта.

Немецкие войска, не дожидаясь полной ликвидации вяземского «котла», устремились к Можайской линии обороны, которая к тому времени еще не была в полной мере подготовлена к отражению наступления противника, несмотря на то, что Ставка Верховного главнокомандования перебросила сюда с других фронтов и из своего резерва 14 стрелковых дивизий, 16 вновь сформированных танковых бригад, более 40 артиллерийских полков, 10 огнеметных рот и другие части. Совместно с отходившими войсками эти соединения и части образовали новый фронт обороны.

Приказом Ставки ВГК от 11 октября 1941 года все войска, находившиеся на Можайской линии обороны, были объединены в 5-ю армию под командованием генерал-майора Д. Д. Лелюшенко.

В связи с приближением фронта к Москве по решению ГКО от 12 октября 1941 года создавалась еще одна линия обороны на непосредственных подступах к столице. В ее строительстве самое активное участие принимали трудящиеся города и области¹⁰.

⁹ ЦАМО РФ, ф. 32, оп. 11309, д. 15, л. 1—31.

¹⁰ История Второй мировой войны 1939–1945 / Главная редакционная комиссия под пред. А. А. Гречко в 12 т. Т. 4. М.: ВИ, 1975. С. 96.

К 13 октября, когда был отдан приказ об упорной обороне занимаемых рубежей, войска Западного фронта имели следующую группировку войск: на Волоколамском направлении оборонялась вновь созданная 16-я армия под командованием генерал-лейтенанта К. К. Рокоссовского; на Можайском – 5-я армия генерал-майора Д. Д. Лелюшенко¹¹, на Малоярославецком – 43-я армия под командованием генерал-майора К. Д. Голубева; на Калужском – 49-я армия генерал-лейтенанта И. Г. Захаркина.

Управление 33-й армии во главе с командующим армией комбригом Д. П. Онуприенко было отведено в резерв фронта в район города Наро-Фоминск.

Однако гитлеровское командование явно переоценило свои успехи под Вязьмой и Брянском, ошибочно посчитав, что советские войска, находившиеся перед фронтом группы армий «Центр», разгромлены, а резервы уже исчерпаны. В своем приказе № 1960/41 от 14 октября 1941 года Верховное командование вермахта поставило перед войсками группы армий «Центр» задачу: без всякой паузы нанести удар в направлении Москвы и окружить ее, одновременно завершив разгром советских дивизий, сражавшихся в окружении под Вязьмой. Но продолжить наступление на Москву смогли только два армейских и один моторизованный корпус 4-й армии. Значительные силы противника до двадцатых чисел октября были вынуждены вести ожесточенные бои с частями и соединениями 16-й, 19-й и 20-й армий Западного фронта, а также 24-й и 32-й армий Резервного фронта, оказавшихся в окружении западнее Вязьмы. Немалая часть сил неприятеля была связана тяжелыми боями с войсками Брянского фронта.

Соединения 4-й армии генерал-фельдмаршала Г. Клюге, устремившиеся к Москве, главный удар наносили, действуя вдоль Минского, Киевского и Варшавского шоссе. 10 октября передовые части противника завязали ожесточенные бои на Малоярославецком направлении, 11-го – на Калужском, 13-го – на Можайском. Сплошного фронта обороны не было. Немецкие войска, встречая очаги сопротивления наших войск, стремились обойти их и, не ввязываясь в затяжные бои, продолжали движение по направлению к Москве.

В ходе оборонительного сражения на Можайской линии обороны части и соединения 5-й армии оказали противнику упорное сопротивление, но сдержать его натиск не смогли, и были вынуждены отойти. Немецкие войска оказались на Можайском, Наро-Фоминском и Подольском направлениях всего в 80 км от Москвы. Однако выполнить главную задачу по уничтожению войск Красной армии, оборонявшихся на дальних подступах к Москве, противнику не удалось. Ценой больших потерь враг смог только вытеснить наши войска с занимаемых ими рубежей обороны.

С выходом 57-го моторизованного корпуса противника в район Малоярославецкого боевого участка на Подольском и Наро-Фоминском направлениях сложилась крайне опасная обстановка. 16 октября 1941 года передовые части врага подошли к Малоярославцу и завязали бой на подступах к нему. Несколько ранее части 258-й пд и 3-й мпд при поддержке танков 20-й тд, обойдя Малоярославецкий боевой участок, нанесли удар на Боровск.

Оборону на подступах к городу занимали части 110-й и 113-й стрелковых дивизий, а также танкисты 127-го отдельного танкового батальона. Обороной Боровска руководил командир 110-й сд полковник Степан Трофимович Гладышев. Бой за город носил ожесточенный характер, но, несмотря на упорное сопротивление наших воинов, удержать Боровск не удалось.

В течение 16–18 октября 1941 года наши войска предприняли несколько попыток отбить Боровск, но все они закончились неудачей. Особенно кровопролитным был бой за с. Комлево.

Много лет спустя после войны ветераны 3-й мд противника вспоминали:

«...Советы из всех сил пытались вернуть себе Боровск. 16-го числа они хотели прорваться на стыке между нашей и 258-й пехотной дивизией.

¹¹ После ранения генерал-майора Д. Д. Лелюшенко 18 октября 1941 года в командование армией вступил генерал-майор артиллерии Л. А. Говоров. – *Примеч. авт.*

После этих отдельных вылазок, 43-я советская армия 17-го числа попыталась вновь овладеть Боровском...»¹²

В книге «По призыву Родины», посвященной боевому пути 110-й стрелковой дивизии (бывшей 4-й дивизии народного ополчения города Москвы), отмечается:

«В ходе кровопролитного боя ценой огромных потерь немецко-фашистские войска оттеснили части 110-й и оборонявшейся юго-восточнее 113-й стрелковых дивизий и к 16 часам 15 октября 1941 г. заняли г. Боровск. Бой продолжался с нарастающим ожесточением до самого позднего вечера, не прекращался он и ночью.

На следующий день, 16 октября, по приказу штаба 43-й армии 110-я и 113-я стрелковые дивизии, усиленные 152-м танковым батальоном, трижды атаковали г. Боровск с востока, но успеха не добились. Потеряв 900 человек убитыми и ранеными, наши части отошли на исходные рубежи»¹³.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих воспоминаниях пишет:

«У старинного русского города Боровска прославили свои боевые знамена солдаты и командиры 110-й стрелковой дивизии и 151-й мотострелковой бригады. Плечом к плечу с ними стойко отражали натиск врага танкисты 127-го танкового батальона. Ценой больших потерь противник оттеснил наши части к реке Протве, а затем к реке Наре, но прорваться дальше не смог»¹⁴.

Если со 110-й стрелковой дивизией все понятно, то упоминание Георгием Константиновичем Жуковым о 151-й мотострелковой бригаде вызывает недоумение. Бригада никогда не вела боевых действий у Боровска, т. к. в это время находилась в 20 км северо-западнее его, в районе города Верея. По всей видимости, Г. К. Жуков позаимствовал эти строчки из шеститомной истории Великой Отечественной войны, в которой написано:

«...немецкие танковые части обошли Малоярославецкий боевой участок с севера и нанесли удар на Боровск. На подступах к городу их встретили передовые части 110-й дивизии и 151-й мотострелковой бригады. Упорно обороняясь, 110-я дивизия и 151-я мотострелковая бригада до 16 октября удерживали район Боровска, после чего отошли к Наро-Фоминску»¹⁵.

Откуда в столь солидном труде, который готовил к выходу большой коллектив ученых-историков, появились сведения об участии в боевых действиях в районе Боровска 151-й мсбр, сказать сложно. Впоследствии эти сведения были растиражированы во всех трудах и работах, посвященных битве под Москвой, и никто не подверг их сомнению и не перепроверил.

Поскольку 151-й мсбр в последующем будет отведена важная роль в ходе оборонительных боев на подступах к Наро-Фоминску, есть необходимость кратко остановиться на ее боевом пути в эти октябрьские дни 1941 года, а заодно и восстановить историческую правду.

Архивные документы свидетельствуют о том, что ночью 13 октября 1941 года командир бригады полковник И. И. Интыпин получил от начальника автобронетанкового управления Красной армии генерал-лейтенанта Я. Н. Федоренко, являвшегося одновременно и заместителем наркома обороны СССР, следующее распоряжение:

«КОМАНДИРУ 151 МОТОСТРЕЛКОВОЙ БРИГАДЫ.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ ПРИКАЗАЛ:

Бригаду привести в полную боевую готовность и к 8.00 13.10.41 г. поступить в распоряжение Командующего Войсками Западного Фронта.

¹² 3. Infanterie-Division / 3. Infanterie-Division (mot.) / 3. Panzergrenadier-Division. OBERSTUDIENRAT GERHARD DIECKHOFF CUXHAVEN. 1960. S. 130.

¹³ Виноградов Ю. В., Широков С. М. По призыву Родины. М.: ИРМА ПРЕСС, 1995. С. 39.

¹⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 334.

¹⁵ История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. / Редакционная комиссия под пред. П. Н. Поспелова. В 6 т. Т. 2. М.: ИМЛ; ВИ, 1961. С. 245.

Бригаде иметь 1,5 боекомплекта и 2 заправки горючего. Продовольствия по указанию Командующего Фронта.

Вам надлежит немедленно связаться с Командующим войсками и получить от него задачу.

Генерал-лейтенант танковых войск ФЕДОРЕНКО»¹⁶.

Однако еще часом ранее полковник Интяпин получил из штаба Западного фронта телефонограмму следующего содержания:

«ПРИКАЗ №...»¹⁷

АБТ, ПОЛИГОН. КОМАНДИРУ 151 МСБ. 23.00 12.10.41.

С получением сего выступить в 7.00 13.10.41 и сосредоточиться в ВЕРЕЯ, с задачей: совместно с частями МОЖАЙСКОГО УР уничтожить передовые мотомехчасти противника, прорвавшегося в район ЛЮБАНОВО. По ликвидации противника и восстановления УР – находиться в ВЕРЕЯ.

Получение и исполнение донести.

ЖУКОВ, СОКОЛОВСКИЙ, БУЛГАНИН»¹⁸.

Во второй половине дня 13 октября 1941 года 151-я мсбр вышла в район западнее города Вереи. Вскоре командир бригады получил от командующего 5-й армии генерала Д. Д. Лелюшенко боевую задачу: с утра 14 октября во взаимодействии с частями, действующими западнее Вереи, уничтожить противника в районе Субботино, Дуброво, Татищево и закрепиться на этом рубеже. Однако к тому времени противник уже вышел в район Шустиково, Татищево, Устье, развивая наступление на Верею, и приказ, как несоответствующий обстановке, был отменен.

Утром 14 октября приказом генерал-майора Лелюшенко бригаде был переподчинен 1-й особый кавалерийский полк, которым командовал полковник М. М. Шаймуратов. Тогда же был получен новый боевой приказ об организации упорной обороны на занимаемом рубеже и не допущении прорыва противника в направлении Вереи¹⁹.

Мотострелковые батальоны бригады, усиленные танками, заняли оборону:

454-й мсб в районе с. Никольское; 453-й мсб у с. Вышгород; 455-й мсб вблизи д. Коровино, прикрыв дороги, ведущие на Верею с западного и юго-западного направлений.

Кавалерийский полк оборонялся на правом фланге бригады в районе д. Ново-Зыбинка, обеспечивая стык с соседом справа – 32-й стрелковой дивизией, которой командовал полковник В. И. Полосухин.

Вместе с частями 151-й бригады действовали остатки подразделений 185-го сп, который в силу обстоятельств оказался в этом районе. Полк насчитывал в своем составе всего около ста бойцов и командиров.

Вечером этого дня из штаба 5-й армии была получена очередная телефонограмма:

«БОЕВОЙ ПРИКАЗ ШТАРМА 5 14.10.41. МОЖАЙСК.

ВСЕМУ ЛИЧНОМУ СОСТАВУ 5 АРМИИ.

Предупреждаю, прочно удерживать занимаемые позиции. За самовольный отход без письменного приказа Военного совета Фронта или Армии виновные будут РАССТРЕЛЯНЫ.

Командарм 5 ЛЕЛЮШЕНКО

Член Военного совета ИВАНОВ

Начальник штаба ГЛУЗДОВСКИЙ»²⁰.

¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 3391, оп. 1, д. 2, л. 10.

¹⁷ Номер отсутствует. – *Примеч. авт.*

¹⁸ ЦАМО РФ, ф. 3391, оп. 1, д. 2, л. 9.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 3391, оп. 1, д. 5, л. 15.

²⁰ ЦАМО РФ, ф. 3391, оп. 1, д. 2, л. 32.

Рано утром 15 октября 1941 года бригада вступила в бой с противником, в результате которого была вынуждена во второй половине дня оставить занимаемые позиции и отойти на новый оборонительный рубеж. Виновником случившегося был признан 455-й мсб 151-й мотострелковой бригады, за что вскоре перед строем был расстрелян его военный комиссар старший политрук Ершов.

Случаи репрессий в Красной армии с первых дней войны носили крайне опасный характер. Поначалу виновными во всех неудачах оказывались отдельные красноармейцы и младшие командиры, в редких случаях командиры среднего звена, к которым старшие командиры принимали самые строгие меры наказания, вплоть до расстрела на месте без суда и следствия.

Факты негативного поведения отдельных военнослужащих, в том числе случаи паники и трусости, действительно имели место в войсках в тот период времени и требовали принятия необходимых мер для наведения порядка. Но иногда таким путем отдельные нерадивые командиры и комиссары пытались насадить в подчиненных им частях и подразделениях строгую воинскую дисциплину и порядок, не утруждая себя воспитательной работой с личным составом, позабыв о том, что метод убеждения является основным в воспитании сознательного солдата и младшего командира.

Ложное чувство того, что принуждением и репрессиями можно быстро навести порядок, особенно в период вынужденного отхода войск, привело к тому, что многие командиры и комиссары потеряли доверие у подчиненных как люди, способные грамотно организовать боевые действия и справиться с поставленной боевой задачей. Участились случаи добровольной сдачи красноармейцев и младших командиров в плен врагу.

И. В. Сталин, понимая, что такое положение дел с состоянием воинской дисциплины в действующей армии может привести к самым негативным последствиям, был вынужден 4 октября 1941 года подписать приказ № 0391 «О фактах подмены воспитательной работы репрессиями».

В нем были приведены отдельные примеры подобных случаев и отмечен тот факт, что «... необоснованные репрессии, незаконные расстрелы, самоуправство и рукоприкладство со стороны командиров и комиссаров являются проявлением безволия и безрукости, нередко ведут к обратным результатам, способствуют падению воинской дисциплины и политико-морального состояния войск и могут толкнуть нестойких бойцов к перебежкам на сторону противника».

Народный комиссар обороны И. В. Сталин приказал:

«1. Восстановить в правах воспитательную работу, широко использовать метод убеждения, не подменять повседневную разъяснительную работу администрированием и репрессиями.

2. Всем командирам, политработникам и начальникам повседневно беседовать с красноармейцами, разъясняя им необходимость железной воинской дисциплины, честного выполнения своего воинского долга, военной присяги и приказов командира и начальника. В беседах разъяснять также, что над нашей Родиной нависла серьезная угроза, что для разгрома врага нужны величайшие самопожертвование, непоколебимая стойкость в бою, презрение к смерти и беспощадная борьба с трусами, дезертирами, членовредителями, провокаторами и изменниками Родины.

3. Широко разъяснять начальствующему составу, что самосуды, рукоприкладство и площадная брань, унижающая звание воина Красной армии, ведут не к укреплению, а к подрыву дисциплины и авторитета командира и политработника.

4. Самым решительным образом, вплоть до предания виновных суду военного трибунала, бороться со всеми явлениями незаконных репрессий, рукоприкладства и самосудов»²¹.

²¹ Русский архив. Великая Отечественная война: Приказы Народного Комиссара Обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13. (2–2). М.: ТЕРРА, 1997. С. 108–109.

Приказ сыграл свою положительную роль в наведении порядка и предотвращения случаев необоснованных репрессий по отношению к красноармейцам и младшим командирам, но не обошлось и без перегибов. Теперь виновными во всех неудачах стали оказываться командиры и военные комиссары подразделений, частей, а иногда и соединений, о чем свидетельствуют случаи расстрелов командиров и комиссаров батальонов, полков и дивизий за невыполнение поставленной боевой задачи и, особенно, оставление без приказа занимаемого рубежа.

В ночь на 16 октября из штаба 5-й армии был получен новый боевой приказ:

«КОМАНДИРУ 151 МСБР полковнику т. ИНТЯПИНУ.

Для выполнения вашей основной задачи обеспечения левого фланга армии ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Уничтожить противника в районе ЯСТРЕБОВО и освободить дорогу ВЕРЕЯ – НИКОЛЬСКОЕ к исходу дня 16.10.41 г.

2. Силами кавалерийского полка и стрелкового батальона 185 СП восстановить прежнее положение в районе ФЕДЮШИНО, АРХАНГЕЛЬСКОЕ и соединиться с частями 32 СД.

3. Объявить всему начсоставу до командира отделения, что за отход без письменного приказа Военного совета виновные подлежат расстрелу на месте.

Член Военного совета бригадный комиссар ИВАНОВ»²².

Однако выполнить поставленную задачу уже не представлялось возможным. Утром 18 октября части 7-й пд противника перешли в наступление и, несмотря на упорное сопротивление подразделений 151-й мсбр, начали теснить их к Верее. Не имея возможности закрепиться на подступах к городу, бригада оставила Верею и перешла к обороне в 2,5 км северо-восточнее ее по рубежу: Годуново, Монаково, Купелицы, опушка леса восточнее Загряжское, имея задачей не допустить прорыва врага к Наро-Фоминску. В это время в Наро-Фоминске и его ближайших окрестностях находились лишь подразделения запасного танкового полка, которые в соответствии с полученным ранее распоряжением готовились к убытию по железной дороге в г. Владимир, а также один из полков вновь формируемой 149-й сд, располагавшийся в районе населенных пунктов Горчухино, Атепцево и Слизнево.

Для защиты Наро-Фоминска был сформирован истребительный батальон, состоявший из сотрудников отдела милиции и местных жителей. Батальоном командовал пограничник старший лейтенант И. В. Кондрашечкин, военным комиссаром был директор Наро-Фоминской школы № 6 В. Г. Тишечкин²³. Боевые возможности батальона были невысокими.

В этот самый сложный период времени в силу определенных субъективных обстоятельств в командование 151-й мсбр вступил ее начальник штаба – майор Ефимов. Будучи дисциплинированным и добросовестным командиром, он, к сожалению, не имел опыта в управлении таким соединением, как отдельная мотострелковая бригада, что вскоре самым негативным образом сказалось на организации и ведении ею боевых действий²⁴.

²² ЦАМО РФ, ф. 3391, оп. 1, д. 2, л. 47.

²³ Окулова Т. В. О тех, кто победил войну. Кн. 1. Можайск: Империя Пресс, 2005. С. 29.

²⁴ Причина смены командира бригады была весьма интересной – полковник Иван Иванович Интяпин был отстранен от должности за то, что все это время беспробудно пьянствовал. Тяжело поверить в подобное, но это было именно так. За многие послевоенные годы нас приучили к тому, что в войну красноармейцы и командиры думали только о спасении Родины, но, оказывается, были и такие люди. Самое обидное заключается в том, что сотни бойцов и командиров бригады пали смертью храбрых в ходе этих боев, а их командир-пьяница, получив очередное словесное взыскание, как ни в чем не бывало продолжал службу в чине полковника и, «спокойно» довоевал до Победы. Кстати, в годы войны он не раз снимался с должности за пьянство каждый раз каким-то образом, избегая более сурового наказания. Личное дело и послужная карточка И. И. Интяпина пестрят соответствующими записями: «От должности отстранен, зачислен в распоряжение Военного совета с привлечением к служебной ответственности за пьянство». Впрочем, это не помешало ему к концу войны украсить свою грудь орденом Ленина, двумя орденами Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны и орденом Красной Звезды, а подчиненные ему дисциплинированные и храбрые командиры нашли свой вечный покой осенью 1941 года под Наро-Фоминском. Такова она, правда войны. Войны, которую мы по-настоящему не знали и не знаем. – *Примеч. авт.*

В ходе предыдущих двухдневных боев бригада понесла большие потери в личном составе и технике, но, несмотря на это, насчитывала в своем составе около двух тысяч красноармейцев и командиров и более 30 танков.

Таким образом, как видно из представленных выше документов, 151-я мотострелковая бригада с момента подчинения ее командующему 5-й армии вела боевые действия исключительно в районе города Вереи и в боях за Боровск никакого участия не принимала. Совместно со 110-й сд Боровск защищала 113-я сд. 151-я мсбр не имела к этому никакого отношения.

Данный факт наглядно свидетельствует о том, что даже в столь солидных трудах и воспоминаниях известных советских полководцев могут иметь место существенные ошибки и неточности.

В сложной оперативной обстановке, сложившейся к тому времени на Западном стратегическом направлении, Ставка ВГК 17 октября 1941 года приняла решение создать из войск, оборонявшихся на подступах к Москве, два фронта: Западный и Калининский. Войска, действовавшие на Осташковском и Ржевском направлениях, а также в районе города Калинин (22-я, 29-я, 30-я и 31-я армии), были объединены в составе создаваемого Калининского фронта, командующим которого был назначен генерал-полковник И. С. Конев.

20-я, 16-я, 5-я, 33-я, 43-я и 49-я армии оставались в подчинении командующего Западным фронтом генерала армии Г. К. Жукова.

Это решение Ставки позволило значительно сократить полосу обороны Западного фронта и сконцентрировать усилия ее командования на организации прочной обороны непосредственно на подступах к Москве. Одновременно Ставка ВГК утвердила предложение командующего Западным фронтом об объединении частей и соединений, сражавшихся на Наро-Фоминском направлении в составе 33-й армии.

Следует отметить, что Государственный Комитет Оборона и лично И. В. Сталин с момента образования Западного фронта уделяли ему самое пристальное внимание. Членом Военного совета фронта был назначен видный советский государственный и партийный деятель того времени Булганин Николай Александрович, который одновременно являлся заместителем председателя Совета Народных Комиссаров СССР. Это было личное решение И. В. Сталина, который, таким образом, мог постоянно знать истинное положение дел в войсках фронта, его нужды и проблемы. Несмотря на то, что между генералом армии Г. К. Жуковым и А. Н. Булганиным, в силу различных субъективных причин, не было полного взаимопонимания, их совместная деятельность в тот период времени оценивается достаточно высоко.

Поздно вечером 17 октября 1941 года в штабе Западного фронта был подготовлен приказ об организации обороны на Боровском и Верейском направлениях, подписанный членами Военного совета Западного фронта:

«КОМАНДАРМУ 33, 5, 43

В целях лучшего руководства войсками, действующими на Верейском и Боровском направлениях,

ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объединить с 24.00 18.10 действия 151 МСБР, 222, 110 и 113 СД, 9 ТБР и частей НАРО-ФОМИНСКОГО гарнизона – под командованием 33 АРМИИ.

2. Командующим 33-й АРМИЕЙ назначить генерал-лейтенанта ГЕРАСИМЕНКО. Заместителем командующего армией назначить комбрига ОНУПРИЕНКО.

3. Установить разгранлинии 33 АРМИИ: справа с 5 АРМИЕЙ – (иск.) КУНЦЕВО, КРЕКШИНО, ЛЮБАНОВО, (иск.) КУЛАКОВО, АРХАНГЕЛЬСКОЕ; слева с 43 АРМИЕЙ – (иск.) ПОДОЛЬСК, ДЯТЛОВО, КРИВСКОЕ, ЮРЬЕВСКОЕ.

4. Штабу 33 АРМИИ к 8.00 18.10 перейти БЕКАСОВО, имея КП – НАРО-ФОМИНСКЕ.

5. Задача 33 АРМИИ – отбросить противника из района ВЕРЕЯ и БОРОВСК и организовать упорную оборону на рубеже АРХАНГЕЛЬСКОЕ, ФЕДОРИНО, ИЩЕИНО.

6. Начальнику связи к 8.00 18.10 обеспечить связь штаба фронта со штабом 33 АРМИИ и проконтролировать связь внутри армии с частями армии.

7. Командарму-33 о вступлении в командование войсками и план действий донести к 18.00 18.10.

ЖУКОВ, БУЛГАНИН, СОКОЛОВСКИЙ»²⁵.

Содержание этого документа требует некоторого уточнения и пояснения, особенно в части касающейся состава армии, назначения командующего армией и его заместителя.

17 октября 1941 года, когда был подготовлен данный приказ, 33-я армия имела не только управление армии во главе с комбригом Д. П. Онуприенко, но и объединяла в своем составе ряд соединений: 17-ю, 60-ю, 149-ю и 173-ю стрелковые дивизии²⁶.

Однако уже вечером 17 октября 1941 года в журнале боевых действий Западного фронта появилась уточняющая запись:

«...Опергруппа ШТАРМА 33 со второй половины дня 13.10 в движении на НАРО-ФОМИНСК для организации управления 113, 110 СД, 151 МСБР и 9 ТБР»²⁷.

Теперь о командующем 33-й армии.

Комбриг Онуприенко Дмитрий Платонович был командующим 33-й армии с момента ее формирования в июле 1941 года. Армия объединяла тогда в своем составе шесть дивизий народного ополчения: 1-ю, 5-ю, 9-ю, 17-ю, 18-ю и 21-ю.

Приказом командующего фронтом назначается новый командующий армией, а комбриг Онуприенко становится его заместителем. Что послужило этому причиной, неизвестно. По всей видимости, Ставка и командование Западным фронтом хотели видеть во главе армии в этот сложный период времени военачальника, имевшего более солидный опыт управления войсками. Необходимо отметить, что комбриг Д. П. Онуприенко, до назначения на должность командующего 33-й армией, никогда не командовал ни полком, ни дивизией, ни корпусом, не говоря уже об армии! Естественно, это не могло не сказаться на качестве управления им войсками. Подобное положение дел в значительной степени было обусловлено сталинскими репрессиями по отношению к военным кадрам и непоколебимой верой вождя в деловые качества руководителей, воспитанных в системе органов НКВД.

Немного остановимся на личности комбрига Д. П. Онуприенко, который, являясь заместителем командующего 33-й армией, проделал большую организационную работу в период боев на Наро-Фоминском направлении.

Дмитрий Платонович родился 25 октября 1906 года в Киевской области. Окончив в 1928 году Киевскую пехотную школу, он уже через двенадцать лет (!), буквально за несколько дней до начала Великой Отечественной войны, стал начальником штаба Московского военного округа. Ему было тогда всего 35 лет.

После окончания пехотной школы Д. П. Онуприенко служил в 23-м пограничном отряде войск ОГПУ в г. Каменец-Подольский помощником начальника пограничной заставы по строевой части, а затем начальником погранзаставы. В 1932 году был назначен инструктором, а затем старшим инструктором 2-го пограничного отряда НКВД по строевой подготовке. С 1935 по 1938 год учился в Академии имени Фрунзе, после окончания которой был назначен старшим помощником начальника 1-го отделения Отдела учебных заведений Главного управления пограничных и внутренних войск НКВД. С марта 1939 года занимал должность заместителя начальника Главного управления конвойных войск НКВД.

Во время советско-финляндской войны комбриг Онуприенко командовал особым отрядом войск НКВД Северо-Западного фронта на Карельском перешейке. За два месяца до начала

²⁵ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 1029, л. 177–178.

²⁶ Боевой состав Советской Армии. Ч. 1. Июль – декабрь 1941 г. М.: ВНУГШ, 1963. С. 50–51.

²⁷ ЦАМО РФ, ф. 208, оп. 2511, д. 215, л. 87.

Великой Отечественной войны он был назначен на должность заместителя командующего Московским военным округом.

Последующая военная карьера комбрига Д. П. Онуприенко также изобиловала крупными поворотами. В начале мая 1942 года, после того, как ударная группировка 33-й армии погибла вместе со своим командующим в окружении под Вязьмой, Дмитрий Платонович был отправлен на учебу в Военную академию Генерального штаба. Окончив ее по ускоренной программе, получил назначение на должность начальника штаба 3-й резервной армии Калининского фронта, на базе которой вскоре была сформирована 2-я танковая армия. Командующий армией генерал-лейтенант А. Г. Родин высоко оценивал деятельность своего заместителя:

«...В бою ведет себя хладнокровно, в трудные моменты не теряется, штабную работу знает хорошо».

Тем не менее начальник штаба Центрального фронта, в состав которого входила тогда 2-я танковая армия, генерал М. С. Малинин был иного мнения: «Тов. Онуприенко технического образования не имеет... Целесообразно использовать на должности заместителя командующего армией не танковой...»

В июне 1943 года генерал-майор Д. П. Онуприенко был освобожден от должности начальника штаба 2-й танковой армии и назначен командиром 6-й гвардейской стрелковой дивизии 13-й армии, командуя которой принимал участие в Курской битве, а затем в битве за Днепр. За умелое и грамотное управление подчиненными частями в период форсирования Днепра в октябре 1943 года был удостоен высокого звания Героя Советского Союза. На завершающем этапе Великой Отечественной войны генерал Онуприенко командовал 24-м стрелковым корпусом, который отличился в ходе Берлинской операции.

Еще одной особенностью этого приказа является то, что командующим армии согласно второму пункту, назначался генерал-лейтенант Герасименко. В приказе нет инициалов его имени и отчества, но, по всей видимости, речь идет о генерал-лейтенанте Герасименко Василии Филипповиче, который в первые месяцы войны командовал 21-й и 13-й армиями, а с сентября 1941 года был заместителем командующего Резервным фронтом по тылу. Однако на должность командующего 33-й армией вместо генерала В. Ф. Герасименко 19 октября 1941 года прибыл генерал-лейтенант М. Г. Ефремов, только что сдавший командование 10-й армией, полевое управление которой было обращено на формирование штаба Калининского фронта²⁸.

Сложившаяся к середине октября 1941 года оперативная обстановка, обусловленная выходом главных сил группы армий «Центр» к ближайшим подступам к Москве, требовала принятия неотложных мер по созданию нового рубежа обороны. Оценив обстановку, генерал Жуков принял решение об организации обороны на ближних подступах к столице, исходя из вероятных направлений действия противника, который стремился наступать вдоль основных автомагистралей. Одно из этих направлений, Наро-Фоминское, и предстояло прикрыть соединениям и частям, вошедшим в состав 33-й армии.

К этому времени Наро-Фоминск уже был прифронтовым городом. С 13 октября 1941 года полным ходом шла эвакуация в тыл населения и материальных ценностей. В считанные дни был проведен демонтаж оборудования на прядельно-ткацкой фабрике, большая часть которого вместе с обслуживающим персоналом была отправлена на Ташкентский текстильный комбинат им. Сталина, другая часть – в Армению, в город Леникан. 17 октября авиация противника произвела сильный налет на город, в результате которого погибло немало его мирных жителей.

Однако, прежде чем начать изложение материала, посвященного боевым действиям на Наро-Фоминском направлении в период Битвы за Москву, остановимся на жизненном и боевом пути командующего 33-й армии генерал-лейтенанта Ефремова Михаила Григорьевича, с именем которого с тех пор неразрывно связана история города Наро-Фоминска.

²⁸ Формирование и, переподчинение общевойсковых армий 1941–1945. М.: ГШ. С. 42–43.

Глава вторая. Генерал Ефремов

Генерал-лейтенант М. Г. Ефремов принадлежал к числу видных советских военачальников, выросших в огне Гражданской войны. В предвоенные годы он пользовался большим авторитетом в Красной армии. Его судьба была типичной для того времени.

Единственной работой, в которой подробно освещены молодые годы Михаила Григорьевича, служба в царской армии, командирское становление в годы Гражданской войны, его участие в операции по овладению городом Баку, является книга «Герой-командарм»²⁹, но она была издана более пятидесяти лет тому назад и найти ее сейчас в наших библиотеках практически невозможно. К тому же, как показало детальное изучение автобиографии генерала М. Г. Ефремова, в книге имеется ряд существенных неточностей, связанных, прежде всего, с тем, что авторам тогда были недоступны многие архивные материалы и документы. Поэтому есть смысл остановиться на жизненном пути Михаила Григорьевича Ефремова несколько подробнее, в чем нам помогут книга «Герой-командарм», воспоминания людей, лично знавших легендарного командарма, материалы его личного дела и другие источники.

Михаил Григорьевич Ефремов родился в семье батрака и батрачки Ефремовых 14 февраля 1897 года по старому стилю (27 февраля по новому стилю) в городе Таруса, расположенном на границе Калужской и Московской областей, на левом берегу реки Оки, в месте слияния с нею реки Тарусы. Уже через два дня, 16 февраля, он был крещен священником Петропавловского собора Смирновым, о чем сохранилась запись в метрической книге за 1897 год³⁰.

Отец Михаила, Григорий Емельянович Ефремов, происходил из бедной крестьянской семьи деревни Ольховец Новосильского уезда тогда Тульской губернии. Крайняя нужда, большая семья и малый надел земли у отца заставили его искать счастья в чужих краях. В поисках работы он дошел до Тарусы, где устроился работать у местных богачей. Выполнял разные работы: сторожил лес, заготавливал дрова, сено, работал на мельнице в деревне Юрятино неподалеку от Тарусы.

В Тарусе Григорий Емельянович встретил Александру Лукиничну Ганьшину, такую же батрачку, как и сам. Ее отец рано умер, а мать, овдовев, жила в Тарусе в Калужском переулке. Через некоторое время они поженились. Сначала жили в д. Юрятино, а затем переехали в Тарусу. Александра Лукинична также трудилась от зари до зари: стирала, работала в поле, в лесу, служила кухаркой у местного чиновника Голубицкого. Жили бедно, главным богатством были дети, которых с каждым годом становилось все больше. Сохранилась фотография дома, в котором жила семья Ефремовых в Тарусе.

В 1905 году Михаил пошел в школу, которая располагалась в небольшом одноэтажном здании в сотне шагов от Оки. Все три класса размещались в одной комнате. Миша был выше всех своих сверстников ростом, сильный и закаленный, неутомимым на выдумки, и скоро стал верховодить всеми ребятами в школе.

В 1908 году Михаила, только что закончившего три класса, родители отдали в учение на Рябовскую мануфактуру в Москве: уж очень понравился фабриканту Рябову не по годам смелый мальчишка, которого он однажды случайно встретил на рыбалке. Так закончилось Мишино детство, которое было очень коротким. Вскоре Михаил оказался в Москве, и жизнь в ней ему сначала очень не понравилась. Ежедневно рано утром надо было идти на фабрику, выполнять разные поручения, выслушивать ругань, покорно сносить щелчки и подзатыльники. Михаил всерьез начал задумываться о побеге домой, но до этого дело не дошло. Исполнитель-

²⁹ Виноградов А. П., Игнатова А. А. Герой-командарм. М.: ВИ, 1967.

³⁰ Архивный отдел МО «Тарусский район». Ф. 79, оп. 1, д. 97, л. 241 об. Метрическая книга за 1897 год Петропавловского собора.

ного и смышленного мальчишку приметил гравер дядя Гоша, который и взял его к себе в ученики. Он терпеливо обучал мальчика тонкому и непростому делу гравера. Молодой ученик радовал мастера своим упорством и трудолюбием. Позднее Михаил Григорьевич с особой теплотой вспоминал своего учителя, у которого получил первые уроки жизни.

Годы работы Михаила на фабрике в Москве совпали с подъемом революционного движения в России. На заводах участились случаи забастовок рабочих. Бастовали и на фабрике Рябова. Михаил вместе с другими бросал работу и выходил за ворота фабрики, но понять, за что рабочие ругают хозяина, поначалу не мог. Фабрикант Рябов, которого он много раз сопровождал на рыбалку в Юрятино, казался ему спокойным, добродушным человеком, любившим посидеть с удочкой, тем не менее рабочие называли его «кровопийцей».

Многого не понимал тогда еще Михаил, многого не знал, но жизнь его постепенно становилась иной. Добрые люди подсказали ему, что на Остоженке организованы Пречистенские рабочие курсы. В них могли продолжить свое образование рабочие, окончившие начальную школу. Михаил поступил на эти курсы. Днем работал, вечером учился, и так продолжалось в течение почти шести лет. В период учебы он повстречался со многими интересными людьми из числа рабочих других московских фабрик и заводов. Беседы и споры, свидетелем и участником которых он стал, многому его научили.

Годы учебы у дяди Гоши тоже не прошли даром: Михаил стал хорошим гравером-инструментальщиком. Со временем он покинул фабричную ночлежку и поселился у своего друга Николая Ильича Прокофьева, который жил вдвоем с сестрой рядом с фабрикой. Их маленькая квартирka из двух небольших комнатук стала для него родным домом.

В начале августа 1914 года началась Первая мировая война. Положение рабочих заметно ухудшилось. Рабочий день был увеличен, товаров в магазинах становилось все меньше, цены росли. С фронта начали приходить похоронки, и чем дальше, тем больше. Скоро война круто изменила и жизнь Михаила. Шел второй год войны. Военная мясорубка работала быстрее, чем поступало пополнение. Стали проводиться досрочные призывы. В сентябре 1915 года Михаила Ефремова призвали в армию и определили в 55-й запасный пехотный полк, располагавшийся в Александровских казармах, неподалеку от Рябовской мануфактуры. С утра до вечера новобранцев учили строевой подготовке, умению обращаться с винтовкой. Они овладевали искусством бить врага штыком и прикладом, совершать перебежки, ползать по-пластунски. Из карантинной роты Михаила определили в учебную команду полка, а вскоре, когда проходил набор на курсы младших офицеров, его направили в школу прапорщиков, находившуюся в небольшом городке Телави в Грузии.

Учебная программа была предельно уплотнена. За четыре месяца предстояло пройти такой курс обучения, на который в мирное время отводилось два года. Классные и полевые занятия продолжались по 10–12 часов в день. В апреле 1916 года девятнадцатилетний юнкер закончил школу, и ему было присвоено первое офицерское звание – прапорщик. Всех выпускников сразу же направили в действующую армию. Михаил Ефремов попал в тяжелый артиллерийский дивизион Юго-Западного фронта³¹. В конце мая 1916 года молодой прапорщик принял боевое крещение в знаменитом Брусиловском прорыве.

Наступил 1917 год. Революционные настроения рабочих передались в армию. Сообщение о свержении царского самодержавия было встречено солдатами и частью офицерского состава с нескрываемой радостью. На фронте ожидали, что Временное правительство откажется от участия в этой войне. Однако лозунг «Война до победного конца!» подорвал веру к нему. Армия разваливалась, и вскоре Михаил оставил военную службу и уехал в Москву, где снова устроился работать гравером на Рябовскую фабрику, но долго работать не пришлось.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 4. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

Ввиду отсутствия сырья Рябовская мануфактура прекратила свою работу. Вскоре в стране началась Гражданская война.

28 января 1918 года В. И. Ленин подписал декрет об организации Красной армии. Михаил Ефремов добровольно вступил в 1-ю Московскую советскую пехотную дивизию и был зачислен на должность инструктора. В конце июля 1918 года он был назначен командиром роты в 1-ю Московскую Особую пехотную бригаду, которая готовилась к отправке на фронт.

18 августа бригада прибыла в Борисоглебск, небольшой городок на реке Хопер, и двинулась вдоль реки к Новохоперску, где орудовали казаки генералов Краснова и Мамонтова. 20 августа рота М. Г. Ефремова вступила в бой. Боевое крещение прошло удачно для бригады. Однако уже вскоре М. Г. Ефремов получил тяжелое ранение и вскоре оказался в госпитале в Воронеже.

После излечения М. Г. Ефремов был направлен на Южный участок фронта, в Астрахань, получив мандат, уполномочивавший его представлять на Астраханском участке фронта Высшую военную инспекцию Красной армии. Здесь М. Г. Ефремов повстречался с Сергеем Мироновичем Кировым, видным деятелем партии большевиков, занимавшим тогда должность председателя Временного военно-революционного комитета Астраханского края.

Михаил Ефремов сразу же включился в боевую работу. Однако функции инспектора не могли удовлетворить его, и он попросил у Кирова «живого дела», как вспоминал об этом впоследствии сам. И это дело вскоре нашлось. Для охраны железной дороги, связывавшей полуокруженный город со страной, был выделен 13-й Астраханский пехотный полк, командиром которого и был назначен М. Г. Ефремов³².

Михаил Григорьевич с чувством высокой ответственности приступил к выполнению задачи по охране железной дороги Астрахань – Саратов. Ежедневные внезапные налеты казачьих отрядов на дорогу требовали создания подвижных сил для ее охраны, и тогда по инициативе Ефремова был изготовлен импровизированный бронепоезд, состоявший из нескольких платформ с установленными на них пулеметами и орудиями.

После успешного боя самодельного бронепоезда у населенных пунктов Чапчачи и Харабалинский С. М. Киров лично поздравил М. Г. Ефремова и весь экипаж бронепоезда с первой победой и дал указание в короткий срок построить еще четыре подобных бронепоездов. Через некоторое время Ефремова назначили начальником обороны всех железных дорог в полосе боевых действий 11-й армии.

Осенью 1919 года в жизни Михаила Григорьевича произошло очень важное событие. Партийная организация политотдела 11-й армии приняла его в ряды партии большевиков. Он особенно гордился тем, что рекомендовал его в партию С. М. Киров. Впоследствии М. Г. Ефремов писал:

«С чувством благодарности вспоминаю я, что моим партийным поручителем был незабвенный Сергей Миронович...»³³

Автор не удивится, если кто-то из читателей, особенно из числа молодого поколения, не поймет, о чем идет речь. Чему мог так радоваться Михаил Григорьевич? Оказывается, тому, что его приняли в партию! Тогда, да и многие годы спустя, в партию большевиков принимали действительно самых достойных. Конечно, для отдельных карьеристов это был «трамплин в будущее», однако для большинства советских людей это была настоящая школа жизни и возможность активного участия в общественной жизни в стране. И не их вина, что партийные болтуны привели страну и партию в тупик: подавляющая часть партийцев добросовестно исполняли свои обязанности, стараясь быть застрельщиком всего передового и прогрессивного. Особенно наглядно это проявилось в годы Великой Отечественной войны. Коммунисты

³² ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 10 об. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

³³ Газета «Красная Звезда» от 30 ноября 1939 года.

были там, где было опаснее всего. И когда боевая обстановка становилась особенно напряженной, раздавался призыв: «Коммунисты, вперед!»

Вскоре угроза Астрахани была снята, а 3 января 1920 года был освобожден стратегически важный в этом районе населенный пункт – город Царицын, который впоследствии был переименован в Сталинград, а современное поколение знает его как Волгоград.

В апреле 1920 года Красная армия подошла к границам Азербайджана и Грузии. 25 апреля 1920 года М. Г. Ефремов получил приказ командующего 11-й армией М. К. Левандовского: привести в состояние полной боевой готовности подчиненные ему бронепоезда: «III Интернационал», «Красная Астрахань», «Красный дагестанец» и «Гибель контрреволюции» и 27 апреля с десантом пехоты 28-й стрелковой дивизии выступить на помощь азербайджанскому пролетариату.

Реввоенсовет 11-й армии приказал М. Г. Ефремову и И. Г. Дудину, который исполнял обязанности комиссара отряда, до подхода главных сил 11-й армии смелым броском овладеть железнодорожной станцией города Баку. Личный состав отряда бронепоездов с честью выполнил поставленную задачу – Баку был взят. Получив известие о вступлении бронепоездов в азербайджанскую столицу, Г. К. Орджоникидзе послал В. И. Ленину телеграмму, в которой отмечалось:

«В два часа ночи с 27 на 28 апреля власть в Баку перешла к Азербайджанскому ревкому, который провозгласил Советскую республику. В 4 часа в Баку вошли наши бронепоезда»³⁴.

За успешное проведение Бакинской операции М. Г. Ефремов был награжден Реввоенсоветом РСФСР орденом Красного Знамени и именной саблей командующего 11-й армии, а 13 ноября 1920 года – орденом Красного Знамени Азербайджана под номером один, на обратной стороне которого были выгравированы слова:

«Тов. М. Г. Ефремову за Баку. 1920 г.».

Бакинский период стал временем перемен и в личной жизни Михаила Григорьевича. Здесь в Баку он встретил и полюбил юную и красивую Елизавету Воеводенко. Скромно, но весело отпраздновали свадьбу, а в 1921 году у них родился сын, которого называли по отцу – Михаилом.

В начале 1921 года Ефремов получил назначение на должность командира и комиссара 33-й стрелковой дивизии и стал одним из первых командиров Красной армии, которые одновременно совмещали должность командира и комиссара, т. е. были, как говорили тогда, единаначальниками.

После освобождения Грузии для 33-й стрелковой дивизии и ее комдива наступили полумирные-полубоевые будни. Обстановка была напряженной и беспокойной. Тактические учения полков сменялись настоящими жаркими схватками с бандитами всех мастей. Затем опять наступало затишье.

Летом 1921 года М. Г. Ефремов участвовал в подавлении крестьянского восстания в Тамбовской губернии, во главе которого стоял А. С. Антонов³⁵.

После подавления восстания М. Г. Ефремов принял командование Московской отдельной курсантской бригадой, во главе которой вскоре убыл на Карельский фронт.

³⁴ Кадииев А. Б. Интервенция и гражданская война в Закавказье. М.: ВИ, 1960. С. 256.

³⁵ Антонов Александр Степанович (1888–1922) – руководитель восстания крестьян Тамбовской и части Воронежской губерний в 1920–1921 гг., недовольных политикой военного коммунизма. С 1906 г. состоял в тамбовской группе «независимых социал-революционеров». За революционную деятельность в 1909 г. приговорен к смертной казни, замененной впоследствии на пожизненную каторгу. После Февральской революции возвратился в Тамбов и вошел в состав окружного комитета партии эсеров. С октября 1917 г. начальник уездной милиции в г. Кирсанов Тамбовской области. В августе 1918 г. сформировал «боевую дружину» для борьбы с «пролетарской революцией». В ноябре 1920 – июле 1921 г. начальник главного оперативного штаба «Единой партизанской армии Тамбовского края», которая объединяла в своем составе около 50 тыс. человек. Возглавлял активные боевые действия повстанцев против частей Красной армии. После подавления восстания скрывался, однако был обнаружен и при задержании убит. – *Примеч. авт.*

В октябре 1921 года отряды белофиннов, подталкиваемые англо-американскими и французскими правящими кругами, вторглись в пределы Советской Карелии. Для организации отпора врагу был создан Карельский фронт, разделенный на два участка: Южный и Северный. Командование Карельским фронтом было возложено на А. И. Седякина, а М. Г. Ефремов руководил Южным его участком. К весне 1922 года финские войска были изгнаны с советской территории.

Некоторое время после этих событий Михаил Григорьевич был начальником и комиссаром 2-х Московских пехотных курсов командного состава РККА, а затем его назначили помощником командира 14-й стрелковой дивизии, которая располагалась тогда в Москве в Чернышевских казармах, где он когда-то начинал военную службу рядовым 55-го запасного полка³⁶.

Однако уже в конце марта 1922 года Михаила Григорьевича направляют на учебу на Высшие академические курсы (ВАК). На курсах тогда учились многие командиры – участники Гражданской войны. Завершив учебу, М. Г. Ефремов вернулся на свою должность и значительный период времени исполнял обязанности командира и комиссара 14-й стрелковой дивизии.

В марте 1924 года М. Г. Ефремов был назначен на должность командира и комиссара 19-й стрелковой дивизии. Вступив в командование 19-й сд, Михаил Григорьевич с присущим ему рвением принялся совершенствовать организацию боевой и политической учебы с учетом имевшегося положительного опыта, и уже через год положение дел в дивизии заметно улучшилось. В дивизии неоднократно бывал командующий войсками Московского военного округа К. Е. Ворошилов. В один из приездов в знак признания заслуг М. Г. Ефремова в возросшей боевой выучке дивизии Климент Ефремович подарил ему серого орловского скакуна.

Зимой 1924/25 года на сельскохозяйственные поля Воронежской и ряда других южных губерний России обрушилось неожиданное бедствие – озимый червь, грозивший погубить все осенние посевы и оставить без хлеба села и города. Народный комиссариат по военным и морским делам издал приказ об участии воинских частей вместе с местным населением в работе по ликвидации нашествия вредителей. Был привлечен к выполнению этой задачи и личный состав 19-й стрелковой дивизии.

В результате хорошо продуманной и организованной работы большая часть озимого клина была спасена. Постановлением ВЦИК от 2 марта 1925 года за этот трудовой подвиг 19-я стрелковая дивизия была награждена орденом Трудового Красного Знамени. Приказом председателя Реввоенсовета М. В. Фрунзе 19-я стрелковая дивизия была переименована в 19-ю Воронежскую ордена Трудового Красного Знамени стрелковую дивизию. ВЦИК также наградил орденом Трудового Красного Знамени командира дивизии М. Г. Ефремова³⁷. Это был его третий орден.

Более трех лет командовал М. Г. Ефремов 19-й сд, но пришел день расставания. В июле 1927 года его отозвали в распоряжение начальника Главного управления кадров РККА. Вскоре Михаил Григорьевич в составе большой группы командиров Красной армии убыл в командировку для оказания помощи революционной армии Китая.

После возвращения в апреле 1928 года из Китая М. Г. Ефремов получил новое назначение – командиром и комиссаром 18-й стрелковой дивизии. Это была хорошо известная в Красной армии дивизия, имевшая славные боевые традиции. В свое время ею командовал герой Гражданской войны, кавалер четырех орденов Красного Знамени И. Ф. Федько.

Приняв дела и должность, Михаил Григорьевич объехал все полки и отдельные подразделения, познакомился с командным составом, проверил боевую готовность некоторых из них. Главную свою задачу он видел в том, чтобы грамотно организовать боевую и политическую

³⁶ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 10 об. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

³⁷ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 28. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

подготовку в дивизии, преумножить ее славные боевые традиции. Сохранилось немало воспоминаний о том, как была организована боевая учеба в дивизии в период командования ею М. Г. Ефремовым. Бывший начальник штаба 18-й сд П. А. Ермолин вспоминал:

«...любое внушение подчиненным Михаил Григорьевич делал спокойно, никогда не прибегая к грубости и оскорблениям, только в голосе его слышались горечь и сожаление о том, что вот ведь как нехорошо получается. С особой щепетильностью относился к содержанию оружия».

В этом отношении Михаил Григорьевич заметно отличался от многих наших полководцев и военачальников времен Великой Отечественной войны, которые считали мат, разнос и хамство в отношении подчиненных неотъемлемой частью своего «имиджа». Это касается не только Г. К. Жукова, А. И. Еременко, И. С. Конева, которые были «мастерами» подобного поведения с подчиненными, но и многих других военачальников. Это еще хорошо, если все заканчивалось площадной бранью и оскорблениями, а то можно было и расстаться с жизнью. Подобных примеров в годы войны было предостаточно.

Наверное, всем командирам не нравилось подобное поведение непосредственных начальников, а на деле многие из них порой превосходили их по этой части. Возьмите военный дневник генерала А. И. Еременко. Уж он так старается рассказать, каким нехорошим человеком был Г. К. Жуков, но сам недалеко ушел от Георгия Константиновича по этой части, воспитывая подчиненных то костью, то палкой, то чем попадет под руку. О чем сам же пишет в своем дневнике.

Нелегкое это дело – держать себя в определенных рамках поведения в непростой ситуации, и многим нашим полководцам и военачальникам это было даже сложнее, чем сражаться с врагом на поле боя. Генералы, подобные М. Г. Ефремову, были среди них «белыми воронами», а те, кто хамил, унижая своих подчиненных, наоборот, слыли требовательными командирами.

Выросший в простой крестьянской семье, Михаил Григорьевич был чужд всякому проявлению излишнего внимания к своей личности, какую бы должность он ни занимал. Ненавидел подхалимаж и угодничество. Командиры и бойцы дивизии любили своего комдива за простоту, справедливость и заботу о подчиненных. Командование корпуса и округа отмечало его преданность делу. За грамотное руководство дивизией ему не раз объявлялись благодарности командующим войсками Московского округа. Ниже приведена аттестация, данная М. Г. Ефремову в 1928 году:

«Энергичный, инициативный, дисциплинированный работник.

Общую военную подготовку имеет удовлетворительную. В оперативных и тактических вопросах разбирается. Имеет боевой опыт.

Руководство хозяйственной жизнью частей – правильное.

Хороший администратор.

...В обращении с подчиненными и во взаимоотношениях с начальниками весьма корректен. Заботится о подчиненных.

Общий вывод: должности комдива-единачальника вполне соответствует. Может быть выдвинут в очередном порядке комкором»³⁸.

В октябре 1929 года Михаил Григорьевич получил предписание убыть на учебу в Военно-политическую академию имени Толмачева, находившуюся в Ленинграде. В академии был создан специальный факультет командиров-единачальников, совмещавших должности командира и комиссара. Здесь наряду с общевоинскими дисциплинами особое внимание уделялось организации партийно-политической работы в войсках.

Год учебы пролетел незаметно. Михаил Григорьевич возвратился в свой гарнизон, но уже командиром и комиссаром 3-го стрелкового корпуса. Однако в этой должности он про-

³⁸ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 13–14. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

был недолго, всего около года. Командующий войсками Московского военного округа И. П. Уборевич считал, что годичная подготовка в стенах Военно-политической академии недостаточна для командира корпуса. Поэтому на очередной аттестации М. Г. Ефремова появилась его резолюция:

«Исходя из все возрастающих требований, предъявляемых к современному командиру РККА, считаю желательным командирование на полтора-два года для учебы в военную академию»³⁹.

В конце 1930 года Ефремов стал слушателем особой группы Академии имени М. В. Фрунзе. Особая группа состояла из высшего командного состава Красной армии, прошедшего школу Гражданской войны и имевшего немалый опыт руководства войсками, но недостаточно подготовленного в теоретическом отношении.

Вскоре после приезда М. Г. Ефремова на учебу начальником и комиссаром Военной Академии имени Фрунзе был назначен Б. М. Шапошников, в недалеком прошлом полковник Генерального штаба царской армии. Он был одним из ведущих военных теоретиков Красной армии, автором широко известного трехтомного труда «Мозг армии». Борис Михайлович пользовался большим авторитетом не только в военных кругах, но и у руководителей страны и лично Сталина.

Летом 1932 года на Гороховецком полигоне под руководством Б. М. Шапошникова было проведено большое тактическое учение, которое стало хорошей проверкой и закреплением теоретических знаний, полученных слушателями особой группы во время обучения в академии.

В период учебы в академии, 5 октября 1932 года, М. Г. Ефремов был награжден вторым орденом Красного Знамени Азербайджана. Так Верховный Совет республики отметил заслуги М. Г. Ефремова в освобождении в 1920 году второго по значимости города Азербайджана – Гянджи.

10 апреля 1933 года Михаил Григорьевич сдал зачет по самостоятельной военной игре и получил оценку «хорошо». Согласно существовавшему в те годы положению об оценках успеваемости в академии наивысшей оценкой знаний слушателя являлась оценка «хорошо».

После окончания академии Михаил Григорьевич в мае 1933 года был назначен командиром и комиссаром 12-го стрелкового корпуса. Уже через год в ходе проведенной проверки соединения корпуса показали возросшую боевую выучку. Подтвердили это и войсковые учения, в которых корпусу пришлось принимать участие в 1935–1936 гг. Вскоре подчиненный ему корпус по праву занял лидирующее место в округе.

Почти три года командовал М. Г. Ефремов 12-м стрелковым корпусом и в апреле 1937 года был назначен на должность командующего Приволжским военным округом вместо Маршала Советского Союза М. Н. Тухачевского, который был вызван в Москву и вскоре арестован. Сталинская репрессивная машина набирала ход. За пять месяцев 1937 года Ефремов стал третьим командующим этого военного округа.

В конце ноября 1937 года Михаил Григорьевич неожиданно получает новое назначение – командующим войсками Забайкальского военного округа, сменив на этом посту командарма 2-го ранга М. Д. Великанова, которого постигла участь П. Е. Дыбенко и М. Н. Тухачевского.

В тот период времени в Забайкалье сложилась очень напряженная обстановка. Захватив в 1931–1933 гг. Маньчжурию и образовав там марионеточное государство Маньчжоу-го, японские милитаристы вышли к границам Советского Союза и Монгольской Народной Республики. За полгода до приезда М. Г. Ефремова в Забайкалье Япония вновь начала активные боевые действия против Китая. Нависла непосредственная военная угроза и над Советским Союзом, особенно после подписания Японией в 1936 году пресловутого антикоминтерновского пакта.

³⁹ ЦАМО РФ, ф. 33, оп. 11454, д. 159, л. 14. Личное дело генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова.

Об этом свидетельствовали и ежедневные провокационные нарушения советской границы войсками Маньчжоу-го и Японии.

М. Г. Ефремов понимал, какая большая ответственность ложится на его плечи. Поэтому с первых же дней пребывания в Чите он все свое внимание сосредоточил на повышении качества боевой и политической подготовки войск, принимая меры к тому, чтобы войска округа были готовы в любой момент выступить на защиту Родины. Большое значение новый командующий придавал всемерному укреплению воинской дисциплины, повышению бдительности войск.

Неожиданно в апреле 1938 года М. Г. Ефремова отзывают в распоряжение Главного управления кадров Красной армии. Вызов в Москву оказался для М. Г. Ефремова очень тяжелым испытанием. Шедшая в тот период времени «чистка» рядов командных кадров Красной армии затронула и его.

Как впоследствии выяснилось, в ходе зверских пыток в застенках НКВД П. Е. Дыбенко невольно оговорил М. Г. Ефремова. На протяжении трех месяцев Михаил Григорьевич проживал в гостинице «Москва», находясь, по сути дела, под домашним арестом. Все это время шло следствие и ему постоянно приходилось давать необходимые объяснения. В конце июня 1938 года М. Г. Ефремова, К. Е. Ворошилова и А. И. Микояна вызвали в Кремль в кабинет Сталина. Там же находился и нарком НКВД Н. И. Ежов.

И. В. Сталин сам вел беседу-допрос Ефремова. Михаил Григорьевич аргументировано отвел все выдвинутые против него обвинения. Сталин внимательно слушал его ответы. Ему понравилось поведение М. Г. Ефремова, который четко и внятно отвечал на каждый из поставленных вопросов, не испытывая особого страха, а ведь каждое слово могло стоить ему жизни. По рассказу Михаила Григорьевича, в самом конце беседы И. В. Сталин выбросил в урну, стоявшую возле стола, дело, заведенное на него, сказав при этом Н. И. Ежову, который попытался забрать оттуда папку: «Не трогайте этот мусор».

Именно в тот период, когда следователи НКВД фабриковали уголовное дело на комкора Ефремова, и пропали многие документы из его личного дела, хранящегося сейчас в ЦАМО РФ в Подольске. Если читатель обратил внимание на сноски, документы в личном деле следуют не в хронологической последовательности, как должно быть, а в полном беспорядке. Это обусловлено тем, что значительная часть документов была изъята из него в тот период времени работниками НКВД, другая часть сохранилась в личном деле без должной систематизации. По законам того времени дела «врагов народа» подлежали уничтожению, но репрессивная машина дала сбой и М. Г. Ефремов был полностью оправдан, а его личное дело так навсегда и осталось в «разобранном» виде.

Таким образом, расследование закончилось вполне благоприятно для М. Г. Ефремова. Мало того, уже через месяц, в июле 1938 года, за большие успехи, достигнутые в боевой и политической подготовке войск, которыми он командовал в последние годы, комкор М. Г. Ефремов был награжден высшей наградой СССР – орденом Ленина.

В июле 1938 года комкор М. Г. Ефремов получил назначение на должность командующего вновь созданного Орловского военного округа. Несмотря на положительный исход расследования и беседу с И. В. Сталиным, на душе Михаила Григорьевича было неспокойно. Сколько было таких случаев, когда после первых допросов подозреваемых отпускали, но уже через некоторое время они оказывались в застенках НКВД фигурантами по другому сфабрикованному делу. Чрезвычайно сложными были эти времена для многих советских людей.

Нет за это Сталину никакого прощения, несмотря на все его заслуги в индустриализации страны и Победе в Великой Отечественной войне. Не Сталин был главным действующим лицом этих достижений, а простые советские люди! Обе эти по-настоящему великие Победы замешаны на крови и горе советских людей. В годы индустриализации миллионы безвинных граждан нашей Родины, оказавшись по воле Сталина и его приспешников в неволе, работали и умирали от непосильного труда, ради того, чтобы страна сделала рывок вперед, но всего этого

можно было достичь в результате разумной организации производства и в человеческих условиях, а не беззаконием.

Сталин полностью виновен в репрессиях, которые были развязаны в стране в предвоенные годы, в том числе и в отношении командных кадров Красной армии. Разговоры о том, что он об этом чуть ли не знал, а во всем виноваты органы НКВД во главе с Ежовым и Берией, абсолютно не соответствуют действительности. Все указания исходили от «вождя народов», который лично руководил работой репрессивной машины.

О роли И. В. Сталина в Победе в Великой Отечественной войне – разговор особый. В предыдущей главе автор уже отмечал, что неудачи Красной армии и ее колоссальные потери в первые месяцы войны в значительной степени лежат на совести Сталина. Своим неверием в то, что гитлеровская Германия может напасть на СССР, он в первые дни войны поставил под смертельный удар миллионы бойцов и командиров Красной армии, многие из которых тогда погибли или попали в плен. Вместо того, чтобы как-то покаяться перед ними, он додумался до того, чтобы отнести попавших в плен к врагу командиров и бойцов к разряду предателей. По сути дела, все четыре года войны были периодом исправления ошибок и просчетов, совершенных Сталиным и его ближайшим окружением накануне войны и в первый ее период.

Даже отдавая должное высоким организаторским способностям и таланту руководителя И. В. Сталина, умению подбирать и воспитывать кадры, надо констатировать тот факт, что не было бы его, нашелся бы другой руководитель, который смог возглавить наше государство в решении этих судьбоносных задач и привести страну к Победе над фашистской Германией. В Советском Союзе всегда было предостаточно выдающихся личностей!

Командуя Орловским военным округом, Михаил Григорьевич, как всегда, уделяет первостепенное внимание совершенствованию полевой выучки войск, умелому овладению всем личным составом вверенным оружием и боевой техникой. Большую помощь в этом ему оказывал член Военного совета округа корпусной комиссар Ф. А. Семеновский, с которым его связывала крепкая мужская дружба. Судьбе было угодно так, чтобы и сейчас они были вместе, упокоившись рядом на Екатерининском кладбище города Вязьмы.

В декабре 1939 года М. Г. Ефремову было присвоено воинское звание командарм 2-го ранга. Он по-прежнему уделял много внимания физической подготовке командиров и красноармейцев, воспитанию выносливости. Возросший уровень боевой выучки войск округа продемонстрировали весенние учения 1940 года, на которых присутствовал заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза С. М. Буденный.

7 мая 1940 года указом Президиума Верховного Совета СССР были установлены генеральские воинские звания для лиц высшего начальствующего состава Красной армии. В соответствии с этим указом 4 июня 1940 года Совет Народных Комиссаров СССР присвоил большой группе командиров новые звания⁴⁰.

В числе первых военачальников и командиров, удостоенных этой чести, был и М. Г. Ефремов, которому было присвоено воинское звание генерал-лейтенант. Несколько дней спустя после присвоения генеральского звания М. Г. Ефремов был переведен в Ростов-на-Дону на должность командующего войсками Северо-Кавказского военного округа. Однако пребывание его в этой должности вновь оказалось очень кратковременным.

Уже через два месяца, в августе 1940 года, генерал М. Г. Ефремов переезжает из Ростова-на-Дону в Тбилиси, где ему поручено командовать войсками Закавказского военного округа вместо генерала армии И. В. Тюленева, который убыл на должность командующего Московским военным округом. Таким образом, генерал-лейтенант М. Г. Ефремов оказался единственным военачальником в нашей военной истории, которому пришлось в довоенный период командовать войсками пяти военных округов.

⁴⁰ Газета «Правда» от 5 июня 1940 года.

ЗакВО являлся в тот период времени одним из важных приграничных округов. Знакомясь с войсками округа, генерал Ефремов побывал в Армении и Азербайджане, в тех местах, где он начинал свою армейскую службу. Посетил он и Телавские курсы усовершенствования начальствующего состава округа, которые напомнили ему о годах молодости, когда он восемнадцатилетним пареньком в конце 1915 года приехал сюда в школу прапорщиков.

20 декабря 1940 года Михаил Григорьевич вместе с членом Военного совета и начальником штаба округа выехали в Москву на Всеармейское совещание высшего командного и политического состава, созванное по решению Политбюро ЦК ВКП(б). Каждый участник совещания чувствовал приближение военной угрозы и понимал, откуда она исходит.

После совещания была проведена большая оперативно-стратегическая военная игра, в которой участвовали командующие, начальники штабов и другие должностные лица всех военных округов.

В конце сборов состоялось заседание Главного военного совета, на котором были подведены итоги Всеармейского совещания и военной игры. На Военном совете с большой речью выступил И. В. Сталин. По результатам проведенного совещания и военной игры в январе 1941 года произошли большие перестановки в высших эшелонах руководства Красной армии и ряда военных округов.

28 января 1941 года Михаил Григорьевич получил назначение на должность первого заместителя генерал-инспектора пехоты Красной армии. На новом месте службы Михаил Григорьевич большую часть времени проводил в командировках по военным округам. За четыре предвоенных месяца он успел побывать в Киевском, Западном особом, Ленинградском и Харьковском военных округах.

Ранним воскресным утром 22 июня 1941 года генерал М. Г. Ефремов был вызван в Наркомат обороны, где узнал, что началась война. В этот же день он подал рапорт на имя наркома обороны Маршала Советского Союза С. К. Тимошенко с просьбой послать его на любую командную должность в действующую армию. Однако на фронте он оказался не сразу. Только после того как Михаил Григорьевич направил рапорт лично на имя И. В. Сталина, его просьба была удовлетворена, и вскоре он получил назначение на должность командующего 21-й армии.

Михаил Григорьевич недолго был командующим армии. 7 августа 1941 года Ставка Верховного главнокомандования назначает его командующим Центральным фронтом. Генерал Ефремов вступил в командование войсками фронта в тот момент, когда они с боями отходили на рубеж реки Сож, чтобы здесь задержать продвижение противника.

Известный советский военачальник генерал-полковник Л. М. Сандалов, бывший в тот период времени начальником штаба Центрального фронта, так впоследствии вспоминал о генерале М. Г. Ефремове:

«Это был подвижный, энергичный человек, всесторонне развитый спортсмен. В день вступления в новую должность Михаил Григорьевич в течение нескольких минут ознакомился в штабе с обстановкой и поехал в 13-ю армию. Михаил Григорьевич всегда предпочитал руководить войсками непосредственно на поле боя. А с середины августа он буквально дневал и ночевал в войсках...»⁴¹

Вскоре решением Ставки ВГК Центральный фронт был упразднен. После его упразднения генерал М. Г. Ефремов непродолжительное время был заместителем командующего Брянским фронтом, затем командовал 10-й армией, а во второй половине октября получил назначение на должность командующего 33-й армии.

В столь сложный момент битвы за Москву генерал-лейтенант М. Г. Ефремов был вполне подходящей кандидатурой на должность командующего 33-й армии, которой предстояло прикрыть подступы к столице нашей Родины с Наро-Фоминского направления.

⁴¹ Сандалов Л. М. Пережитое. М.: ВИ, 1961. С. 188.

Это был настоящий Солдат Отечества. Какую бы должность не занимал Михаил Григорьевич, он всегда с отцовской любовью и уважением относился к своим подчиненным, будь то командир или красноармеец, поэтому в своих письмах после войны они нередко называли его «Батей». Немногие наши военачальники заслужили в годы войны такую благодарную память о себе.

19 апреля 1942 года Михаил Григорьевич Ефремов погиб в бою во время прорыва из окружения. Отдавая дань уважения стойкости бойцов и командиров 33-й армии, мужеству генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, который до последней минуты своей жизни был вместе со своими бойцами и командирами и предпочел смерть плену, он был похоронен противником в деревне Слободка Знаменского района Смоленской области.

Уже через год после окончания Великой Отечественной войны, в честь подвига воинов 33-й армии и их командующего генерал-лейтенанта М. Г. Ефремова, в городе Вязьма по распоряжению И. В. Сталина был установлен величественный монумент работы скульптура Е. В. Вучетича.

Что это было? Своеобразное оправдание за просчеты, допущенные в тот период командованием Западного фронта и им лично, как Верховным главнокомандующим, что повлекло за собой гибель генерала М. Г. Ефремова и большей части его бойцов и командиров, или что-то другое толкнуло всесильного «вождя народов» на этот шаг?

28 сентября 1952 года останки М. Г. Ефремова были перезахоронены со всеми воинскими почестями на Екатерининском кладбище города Вязьмы.

Однако многие годы после войны подвиг воинов 33-й армии, совершенный ими в районе Вязьмы в тот период времени, был забыт, и только с началом периода демократии и гласности в нашей стране правда об этих событиях начала пробивать себе дорогу. В столице нашей Родины городе-герое Москве, в городах Вязьма, Наро-Фоминск, Таруса именем генерала М. Г. Ефремова были названы улицы.

В конце 1996 года произошло событие, которого многие годы ждали все, кому была дорога память о подвиге воинов 33-й армии, совершенном ими в период Московской битвы. Указом Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина № 1792 от 31 декабря 1996 года генерал-лейтенанту Ефремову Михаилу Григорьевичу было присвоено высокое звание Героя Российской Федерации (посмертно).

В завершении рассказа о жизненном пути Михаила Григорьевича Ефремова нельзя не сказать и о том, что все его четыре родных брата – Петр, Иван, Василий и Владимир, как только началась Великая Отечественная война, ушли на фронт и самоотверженно сражались с немецко-фашистскими захватчиками. Петр и Иван пали смертью храбрых в первые месяцы войны, а Василию и Владимиру было суждено встретить день Победы.

Жизненный путь генерал-лейтенанта Ефремова Михаила Григорьевича, судьба всех братьев Ефремовых является для всех нас еще одним наглядным примером беззаветного служения нашей Родине!

Глава третья. Отход соединений 33-й армии на рубеж реки Нара (17–21 октября 1941 года)

День **17 октября 1941 года** на всю жизнь запомнился жителям Наро-Фоминска, которые оставались еще в городе. В этот день вражеская авиация подвергла город сильной бомбардировке, причем основной удар был нанесен по его жилым кварталам. Вечером этого дня комбриг Д. П. Онуприенко получил боевое распоряжение штаба Западного фронта, подписанное генерал-лейтенантом В. Д. Соколовским, следующего содержания:

«Командующий фронтом приказал:

1. Штабу 33 армии к 8.00 18.10 перейти в БЕКАСОВО; выдвинув КП – НАРО-ФОМИНСК.

2. Иметь в виду объединение командованием 33 А действий войск в ВЕРЕЙСКОМ и БОРОВСКОМ направлениях с 18.10.41 г.

3. Выслать к 6.00 18.10 делегата в Штаб Запфронта для получения приказа.

4. О переходе штаба 33 армии БЕКАСОВО донести»⁴².

По воспоминаниям местных жителей, в это время штаб 33-й армии располагался недалеко от станции Нара, готовясь к перемещению в район д. Бекасово. Комбриг Д. П. Онуприенко отдал необходимые указания исполнявшему обязанности начальника штаба армии полковнику Б. В. Сафонову и распорядился немедленно оправить одного из офицеров оперативного отдела в штаб фронта за получением приказа.

В 6 часов утра **18 октября 1941 года** офицер связи доставил в штаб 33-й армии приказ командующего войсками Западного фронта:

«КОМАНДАРМУ 33, 5, 43.

17.10.41 г.

0347

В целях лучшего руководства войсками, действующими на ВЕРЕЙСКОМ и БОРОВСКОМ направлениях, и организации упорной обороны НАРО-ФОМИНСКОГО направления ПРИКАЗЫВАЮ:

1. Объединить с 16.00 18.10 действия 151 МСБР, 222, 110 и 113 СД, 9 ТБР и частей НАРО-ФОМИНСКОГО гарнизона – командованием 33 армии.

2. Установить границы 33 АРМИИ справа с 5 АРМИЕЙ – иск. КУНЦЕВО, КРЕКШИНО, ЛЮБАНОВО, КУЛАКОВО, АРХАНГЕЛЬСКОЕ и слева с 43 АРМИЕЙ – иск. ПОДОЛЬСК, ДЯТЛОВО, КРИВСКОЕ, ЮРЬЕВСКОЕ.

3. Штабу 33 АРМИИ к 8.00 18.10 перейти БЕКАСОВО, имея КП – НАРО-ФОМИНСКЕ.

4. Задача 33 АРМИИ – отбросить противника из района ВЕРЕЯ и БОРОВСК и организовать упорную оборону на рубеже АРХАНГЕЛЬСКОЕ, ФЕДОРИНО, ИЩЕИНО.

5. Начальнику связи к 8.00 18.10 обеспечить связь штаба фронта со штабом 33 армии и проконтролировать связь внутри армии с частями армии.

6. Командарму 33 о вступлении в командование войсками и план действий донести к 18.00 18.10.

Командующий войсками Запфронта генерал армии ЖУКОВ

Член Военного совета Запфронта БУЛГАНИН

Начальник штаба Запфронта СОКОЛОВСКИЙ»⁴³.

⁴² ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 7, л. 1.

⁴³ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 1, л. 2.

На экземпляре приказа, сохранившегося в деле с документами оперативного отдела штаба 33-й армии, стоит подпись начальника штаба фронта генерал-лейтенанта В. Д. Соколовского, а также резолюция начальника 1-го отделения оперативного отдела штаба армии, полковника М. Л. Олехвера: «Получено 6.00 18.10».

Приказ отличается от первоначального его варианта прежде всего тем, что в нем в несколько измененном виде представлена боевая задача, которая была поставлена перед 33-й армией:

«В целях лучшего руководства войсками, действующими на ВЕРЕЙСКОМ и БОРОВСКОМ направлениях и организации упорной обороны НАРО-ФОМИНСКОГО направления».

Кроме этого, в приказе не семь, а шесть пунктов: отсутствует второй пункт о назначении командующего армией.

Маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах, вспоминая об этом периоде Московской битвы, пишет:

«...В это тяжелое время Ставка усилила Западный фронт 33-й армией под командованием генерал-лейтенанта Ефремова М. Г. Она заняла оборону в районе Наро-Фоминска, в промежутке между 5-й и 43-й армиями»⁴⁴.

Однако, по мнению автора, говорить об усилении Западного фронта 33-й армией не приходится, т. к. армия объединила в своем составе соединения, которые на протяжении длительного периода времени вели боевые действия в составе войск Западного фронта. К тому же если говорить собственно о 33-й армии, то и она также весь предшествующий период боев сражалась в его составе. Скорее всего, надо вести речь о более рациональной организации обороны войсками, действовавшими на подступах к нашей столице.

Еще до подписания этого приказа штаб фронта отдал командиру 222-й сд боевое распоряжение, в котором сориентировал его об обстановке и поставил боевую задачу на выдвижение в район Вереи»⁴⁵.

Надо отдать должное штабу Западного фронта – это было весьма своевременное решение. Вместе с тем 222-я стрелковая дивизия, находившаяся в это время на формировании в районе города Звенигорода, не имела никакой возможности своевременно выйти в указанный район вследствие значительной удаленности от него.

Оперативная обстановка в полосе обороны всех армий Западного фронта была в тот период времени чрезвычайно сложной. К тому же существенное влияние на организацию боевых действий и жизнедеятельность войск оказывали плохие погодные условия, которые имели тогда место в Центральной полосе России.

Многие послевоенные годы в нашей исторической и военно-мемуарной литературе, посвященной первым месяцам Великой Отечественной войны, об этом факте старались не говорить. Во многом подобное было обусловлено тем, что битые немецкие генералы, не желавшие признавать своих ошибок и просчетов, допущенных ими в тот период времени, все списывали на непогоду, как будто, развязывая войну против СССР, они не знали, в какой местности и в каких погодных условиях им придется воевать.

Стараясь не давать им повода для подобных разговоров, наши историки и военачальники, по всей видимости, не без указания «сверху», обходили это обстоятельство молчанием. Читая воспоминания наших ветеранов о событиях той поры, читатель очень редко может встретить сетования на плохие погодные условия. Но в данном случае речь идет не о том, кто и что говорил, а о том, влияли погодные условия на ход боевых действий или нет. И надо честно признать, что влияли, и влияли очень сильно. Но страдали от них не только солдаты и офицеры противника, но и советские бойцы и командиры, и еще неизвестно, кому было тяжелее. Не

⁴⁴ Жуков Г. К. Воспоминания и размышления. М.: АПН, 1970. С. 334.

⁴⁵ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 3, л. 5.

надо забывать о том, что в частях и соединениях Красной армии имелось большое количество выходцев из республик Средней Азии и Закавказья, для которых подобные погодные условия были еще более сложными, чем для немцев и их европейских союзников.

Сетовать на что угодно, лишь бы оправдать свои неудачи и поражения, – это удел слабых. Наши отцы и деды никогда не позволяли себе оправдывать поражения первых месяцев войны погодными условиями. Они старались вообще об этом не говорить, но именно этот факт через много лет после войны породил у людей некоторое недоверие к событиям того периода времени: если погодные условия были тогда очень тяжелыми, то почему мы это скрывали?

Умалчивание о чем бы то ни было сильнее бьет по репутации победителей, чем побежденных. Этого идеологи нашего государства прошлых лет явно не учли, а ведь русская поговорка гласит: «Шила в мешке не утаишь». А то, что вермахт оказался не готов к подобному развитию событий, только лишний раз свидетельствует о том, что в военном деле нет мелочей.

Очень интересно высказался относительно оценки командованием вермахта погодных условий, бывший начальник штаба 258-й пехотной дивизии полковник В. фон Рибен:

«...Наше высшее командование забыло в свое время включить в соотношение сил основного союзника русских – грязь. Когда оно продолжило использовать против грязи свой инструмент блицкрига – техническое превосходство, то этот инструмент вдруг затупился. А когда ранней зимой дороги снова стали проезжими, то инструмент к тому времени уже поизносился... Нам предстояло преодоление финала трагедии великой ошибки и отчаявшейся воли»⁴⁶.

Ознакомившись с приказом командующего фронтом об организации обороны на Наро-Фоминском направлении, комбриг Д. П. Онуприенко отдал указание полковнику Б. В. Сафонову немедленно связаться со штабами соединений, которые вошли в состав армии, уточнить обстановку, сложившуюся в полосе их обороны, и приступить к подготовке плана действий на ближайшие дни. Дмитрий Платонович понимал, что пока не прибудет новый командующий армией, вся тяжесть организационной работы будет лежать на нем. Положение усугублялось еще и тем, что до сих пор не было начальника штаба армии. На эту должность после излечения в госпитале должен был прибыть генерал-майор А. К. Кондратьев.

Безусловно, Д. П. Онуприенко был обижен отстранением от должности командующего армией, тем более что за весь период непрерывных боев, пока он ею руководил, к нему не было особых претензий со стороны командования фронтом. Да, московские ополченческие дивизии, входившие в ее состав, понесли за этот период времени очень большие потери и не смогли удержать занимаемых рубежей, но тому были веские объективные причины. К тому же отходили в глубь страны и остальные армии. Комбриг Онуприенко добросовестно исполнял свои обязанности, но таков уж армейский порядок: командир всему голова и за все приходится отвечать в первую очередь ему.

Новость о том, что командующим армией вместо него назначен генерал-лейтенант Ефремов, Дмитрий Платонович встретил с чувством некоторого облегчения. До этого им не приходилось встречаться, но он был наслышан о высоком авторитете нового командарма среди тех командиров, кому довелось служить под его началом.

Членом Военного совета 33-й армии с июля 1941 года был бригадный комиссар М. Д. Шляхтин. У комбрига Онуприенко с самого начала сложились с Марком Дмитриевичем хорошие служебные и дружеские отношения, тем более что у них было немало общего: одноклассники, оба «выросли» в недрах системы НКВД. Изучая биографии Онуприенко и Шляхтина, у автора этих строк создалось впечатление, что их преднамеренно подобрали в одну армию. Так же, как и Онуприенко, Шляхтин никогда не служил в частях Красной армии. Начиная с 1920 года,

⁴⁶ Vico von Rieben. Hans-Jochen Pflanz. Geschichte der 258. Infanterie-Division. 1941–1942. Teil II. KURT VOWINCKEL VERLAG – NECKARGEMUND. 1978. S. 144. – Подчеркнуто автором.

когда он молоденьким 15-летним пареньком был зачислен писарем 26-го отдельного батальона внутренней охраны, вся его служба прошла в органах НКВД.

Перед войной он занимал должность заместителя начальника Управления политпропаганды войск НКВД. Надо отметить, что М. Д. Шляхтин никогда не прятался за своей должностью и стремился быть в гуще событий. Достаточно сказать о том, что к началу Великой Отечественной войны на его груди золотом сияли три боевых ордена, что не часто можно было встретить в те годы.

Еще в ноябре 1934 года постановлением Президиума ЦИК СССР за отличие в охране государственной границы он был удостоен ордена Красной Звезды. В 1938 году за выполнение специального задания командования М. Д. Шляхтин был награжден орденом Красного Знамени. В апреле 1940 года за участие в боевых действиях в войне с Финляндией удостоился второго ордена Красного Знамени. Так что Марк Дмитриевич хорошо знал, «почем фунт лиха».

Как уже отмечалось выше, в соответствии с приказом командующего Западным фронтом в состав армии вошли 110-я, 113-я и 222-я стрелковые дивизии, 151-я мотострелковая и 9-я танковая бригады⁴⁷.

151-я мотострелковая бригада, оборонявшаяся на правом фланге 33-й армии, во второй половине дня 18 октября 1941 года занимала оборону по рубежу: высота с отметкой 204,4, опушка леса западнее Монаково и юго-западнее д. Купелицы, отражая удары противника. Враг пытался развить наступление, действуя вдоль дорог: Верея – Богородское и Верея – Симбухово. По докладу штаба бригады, за день боя ее батальоны потеряли более 200 человек убитыми и ранеными⁴⁸.

В это время 110-я и 113-я стрелковые дивизии занимали оборону северо-восточнее и восточнее города Боровска, сдерживая натиск пехоты и танков противника.

Участок местности между 151-й мсбр и 110-й сд протяженностью около 18 километров по фронту вообще не был прикрыт войсками и таил в себе большую опасность. Решением командующего Западным фронтом в этот район и было приказано выдвинуть 222-ю стрелковую дивизию.

110-я и 113-я стрелковые дивизии были сформированы в июле 1941 года в Куйбышевском и Фрунзенском районах города Москвы, получив соответственно наименование 4-я и 5-я дивизии народного ополчения. Участвуя в предыдущих боях с немецко-фашистскими захватчиками, дивизии понесли очень большие потери в личном составе, вооружении и технике. По состоянию на 16 октября 1941 года 113-я сд насчитывала в своем составе всего около двух тысяч красноармейцев и командиров, потеряв только в ходе последних боев в районе Боровска 558 человек⁴⁹. Еще большие потери понесла в этот период времени 110-я сд.

Обе дивизии оказались в районе Боровска всего несколько дней назад. 110-я стрелковая дивизия была переброшена сюда по железной дороге с Осташковского направления⁵⁰, а 113-я сд заняла оборону на подступах к Боровску в ночь на 13 октября 1941 года⁵¹.

Несколько слов о командирах этих дивизий.

Полковник С. Т. Гладышев принимал участие в советско-финляндской войне. В 1940 году был награжден орденом Красного Знамени. Дивизией командовал с августа 1941 года. Несмотря на высокую оценку, данную Г. К. Жуковым действиям 110-й стрелковой дивизии в период боев за Боровск, полковник С. Т. Гладышев уже через несколько дней по ходатайству генерала Ефремова был снят с должности за потерю управления частями дивизии в период

⁴⁷ Уже утром этого дня 9-я танковая бригада вновь была передана в состав 43-й армии. – *Примеч. авт.*

⁴⁸ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 13, л. 20.

⁴⁹ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 125, л. 23.

⁵⁰ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 125, л. 2–3.

⁵¹ ЦАМО РФ, ф. 388, оп. 8712, д. 125, л. 21–23.

ее отхода на рубеж реки Нара. После чего более года командовал 43-й стрелковой бригадой, проявив себя с самой лучшей стороны.

В конце 1942 года С. Т. Гладышев был назначен командиром 32-й стрелковой дивизии, которая вскоре была переименована в 29-ю гвардейскую. Командуя этой дивизией, он вновь был снят с должности, но через некоторое время назначен командиром 133-й стрелковой дивизии 31-й армии, которой также командовал недолго. В январе 1943 года С. Т. Гладышева назначили командиром 277-й сд. С ней Сергей Трофимович не расставался до самой Победы. В сентябре 1943 года ему было присвоено воинское звание генерал-майор. После войны командовал корпусом, был помощником командующего 3-й гвардейской механизированной армии. Награжден двумя орденами Ленина, четырьмя орденами Красного Знамени, двумя орденами Суворова 2-й ст., орденом Кутузова 2-й ст. и медалями. Уволившись из армии, проживал в Саратове. Умер в 1972 году.

Полковник К. И. Миронов встретил Великую Отечественную войну командиром 147-й стрелковой дивизии, а перед этим успел покомандовать 42-й сд. В должность командира 113-й сд полковник К. И. Миронов вступил в августе 1941 года. Судьба его сложилась трагически. 17 апреля 1942 Константин Иванович погиб в бою в районе д. Абрамово Темкинского района Смоленской области во время прорыва западной группировки войск 33-й армии из окружения. Место его захоронения неизвестно.

В то время, когда 110-я и 113-я сд сражались с танками и пехотой противника в районе Боровска, 222-я стрелковая дивизия, в состав которой входило всего два стрелковых полка, совершала марш пешим порядком в направлении Вереи. Дивизия выдвигалась по двум маршрутам: 479-й сп – со стороны п. Кубинка, а 774-й сп – по Боровскому тракту со стороны д. Селятино. Дивизией командовал полковник Т. Я. Новиков, вступивший в должность всего несколько дней назад. На его военной судьбе мы остановимся несколько ниже.

Несмотря на всю сложность обстановки, характеризовавшейся, прежде всего, отсутствием сплошного фронта обороны и неразберихой, царившей в управлении частями и соединениями, обусловленной вынужденным отходом войск, штаб 33-й армии уже к 12 часам дня имел некоторые данные об их состоянии и характере ведения ими боевых действий.

В соответствии с приказом командующего Западным фронтом к 15 часам 18 октября 1941 года штабом армии под непосредственным руководством комбрига Д. П. Онуприенко был подготовлен документ под названием: «План действий 33-й армии», в котором подчиненным соединениям были определены боевые задачи на наступление, запланированном на вторую половину дня 19 октября. Решение комбрига Онуприенко сводилось к следующему:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.